

МОГИЛЬНИК ШАМАНКА II: К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НЕОЛИТА - БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ЮЖНОМ БАЙКАЛЕ

Введение

История изучения погребальных комплексов неолита - бронзового века имеет на территории Прибайкалья очень длинную историю. Но, невзирая на достаточно представительную коллекцию исследованных к настоящему времени захоронений, в наших представлениях об этом периоде истории юга Восточной Сибири еще имеется очень много пробелов. Один из них связан с неравномерностью изучения могильников неолита - бронзового века. Если в верхнем течении рр. Ангары и Лены, в Приольхонье и в низовьях р.Селенга уже давно ведутся раскопки захоронений этого времени, то на южном и северном побережье озера Байкал и в долине р.Куды они только начинаются.

Очень интересные материалы, относящиеся к неолиту - бронзовому веку, в последние годы получены на могильнике Шаманка II, расположенном на крайней юго-западной оконечности озера Байкал. Постоянные работы на памятнике ведутся с 1998 г. (Харинский, 2000). В течение первых двух лет они осуществлялись представителями Иркутского технического университета. За это время было полностью вскрыто 5 могил (№ 2-4, 6, 7) и начата расчистка еще трех захоронений (№ 5, 8, 9). Раскопанные погребения разделяются на две культурно-хронологические группы - "китайскую" и "глазковскую", анализ которых и будет предпринят в этой статье.

Впервые понятие "китайская культура" введено в научный оборот в 1904 г. М.П.Овчинниковым (Овчинников, 1904). Свое название она получила по могильнику, раскопанному в течение 1880-1881 гг. в устье р.Китой Н.И.Витковским (Витковский, 1881). В схеме периодизации неолита - бронзового века Прибайкалья, предложенной А.П.Окладниковым в 1950 г., китайский этап располагается посередине, следуя после хиньского, исаковского, серовского, и предшествует глазковскому и шиверскому

(Окладников, 1950). Коррекция хронологии выделенных А.П.Окладниковым этапов, которые позднее стали отождествляться с культурами, произошла после публикации большой серии радиоуглеродных дат. Судя по ним, китайская культура соотносится с VI - концом V тыс. до н.э. (Конопацкий, 1982; Мамонова, Супержицкий, 1986).

Среди особенностей китойских захоронений можно выделить следующие: а) наличие в могилах охры; б) антитезная ориентировка погребенных; в) захоронение погребенных в обезглавленном состоянии; г) ярусные захоронения (не содержащие прослойки грунта между ярусами); д) захоронение отдельных частей тела ("чужие" кости в могилах). Набор инвентаря представлен составными рыболовными крючками "китойского" типа, наконечниками стрел, теслами, ножами, составными вкладышевыми орудиями, скребками, гарпунами, разнообразными костяными остриями, игольниками с иглами, украшениями, скульптурами из камня и кости, подвесками из расщепленных клыков кабана (Базалийский, 1998).

Несмотря на ряд общих черт как в погребальном ритуале, так и в сопроводительном инвентаре, захоронения, совершенные 7300-6300 лет назад на территории Байкальской Сибири, сопоставляемые с китайским этапом неолита, обладают и определенной территориально-хронологической спецификой. К их числу относятся 3 "классических" могильника в Приангарье - Локомотив, Китойский, Усть-Белая. Типологическое сходство наблюдается также среди погребений, вскрытых в верховьях р.Лены - Макрушино, Юшино, Улус Степно-Балтайский и Старый Качуг. Наиболее древними (7300-6900 л.н.) являются захоронения могильников Хоторук и Фофановский, а также отдельные погребения, раскопанные на местонахождениях Подымахино и Нижняя Джилinda (Базалийский, 1998).

Глазковский этап, с которого начинается бронзовый век на территории Прибайкалья, занимает

в истории региона одно из наиболее ключевых мест. В это время происходит знакомство обитателей байкальского побережья, долин рек Ангары и Лены с металлом. Но медные и бронзовые изделия не выпеснили на юге Средней Сибири орудия из другого сырья. Наоборот, костяные и каменные изделия обычно преобладают на памятниках глазковского этапа.

О д н и м из наиболее я р к и х типов археологических памятников глазковцев являются захоронения. Время их существования А.П.Окладников определил XVIII-XIII вв. до н.э. (Окладников, 1950, с.5) По степени развития металлургического производства они разделяются на две хронологические группы, соответствующие афанасьевской и андроновской культурам (Окладников, 1955, с. 126-127). В 90-х гг. XX вв. глазковские захоронения стали соотноситься с ранним и развитым бронзовым веком (Горюнова, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993). При этом захоронения развитого бронзового века Предбайкалья было предложено датировать в пределах XVI-XI вв. до н.э. (Горюнова, Воробьева, 1993, с.112).

Погребения глазковского времени широко распространены в Приангарье, верховьях Лены, Приольхонье и в дельте Селенги. Они располагаются под каменными кладками овальной или круглой формы. Захоронения производились в грунтовых ямах, преимущественно вытянуто на спине. Встречаются захоронения на спине с согнутыми ногами и на боку в скорченной позе. Преобладают индивидуальные захоронения. Отмечены двойные и даже тройные погребения. Во всех глазковских захоронениях встречен схожий набор инвентаря: кольца и диски из белого нефрита, кальцита и мрамора, крупные бусы из перламутра, украшения из клыков марала и расщепленных клыков кабана, бусины из пиррофиллита. Металлические изделия представлены: ножами, шильями, иглами, рыболовными крючками, бронзовыми браслетами, литыми трубочками, обломками литых чаш из меди. Характерными орудиями для погребений развитого бронзового века являются: каменные стерженьки составных рыболовных крючков "бочонковидной" формы с желобками по всей длине изделия и кольцевыми нарезками на концах; составные крючки из кости, представляющие собой длинный стержень с отверстием в основании для острия; костяные наконечники стрел с круглым и ромбическим сечением; встречаются каменные наконечники стрел с вогнутыми боковыми сторонами (Горюнова, Воробьева, 1993: 104-105).

Несмотря на схожесть погребального инвентаря, у территориальных групп прибайкальских захоронений бронзового века фиксируются определенные отличия. Прежде всего, они присущи приольхонским погребениям. Основная масса глазковских захоронений имеет надмогильные кладки преимущественно овальной формы ("лодкообразные", по А.П.Окладникову), состоящие из плотно уложенных камней. Захоронения Приольхонья

располагаются под "кольцевыми" кладками (Горюнова, Воробьева, 1993: 107). О р и е н т а ц и я г л а з - ковских погребений речная: преобладает - головой вниз по течению реки. В Приольхонье - ориентация головой на юго-запад (Горюнова, Воробьева, 1993: 110).

Отличия между приольхонскими и ангаро-ленскими погребениями, традиционно называемыми глазковскими, позволяют говорить о более самостоятельном развитии этих районов, чем предполагалось ранее. Для того чтобы каким-то образом дифференцировать две территориальные группы захоронений, А.В.Харинским и Н.С.Сосновской было предложено ввести для приольхонских погребений глазковского времени специальное название - захоронения саган-нугэйского типа (Харинский, Сосновская, 2000:93).

Локальные особенности глазковских захоронений фиксируются и на Верхней Лене. На Силинском могильнике отмечена ориентировка погребенных головой перпендикулярно течению Лены (на запад), что отличает их от большинства глазковских погребений Приангарья, ориентированных вдоль по течению реки. Встреченная на Силинском ориентировка погребенных характерна для более раннего периода и является одним из отличительных признаков серовских погребений Прибайкалья. Отмеченная особенность захоронений могильника убедительно доказывает необходимость как расширения источниковой базы, так и систематизации, переосмысления имеющихся данных по периодизации погребений энеолита - ранней бронзы Верхней Лены и Прибайкалья в целом (Белоненко, Меньяпагин, 2000).

География и история исследования

Побережье Южного Б а й к а л а , в центральной части которого располагается могильник Шаманка II, заключено между двумя хребтами - Приморским и Хамар-Дабан, вплотную подступающими к озеру. Исключением является юго-западный участок берега Байкала от пос. Култук до г. Слюдянка, протяженностью 10 км. Он представлен равнинной полосой, вытянутой вдоль берега озера, к о т о р а я разделяется на три географические зоны. Южная и северная части равнинной полосы застроены жилыми массивами, промышленными объектами и инфраструктурой населенных пунктов К у л т у к и Слюдянка. В средней части участка в озеро вдается Шаманский мыс, с севера и с юга окруженный болотами. Мыс представляет собой ц е п ь холмов, в ы т я н у т ы х в сторону озера с запада на восток (рис. 1). Южные склоны двух восточных холмов (первого и второго) круто обрываются в Байкал. Северные склоны залесены и имеют пологий спуск в сторону Култукского залива. Перешеек между в т о р ы м и т р е т ь и м холмами разрушен в результате строительства в 1867-1868 гг. Кругоморского тракта. Вдоль края обрыва, расположенного в южной части мыса, проходит

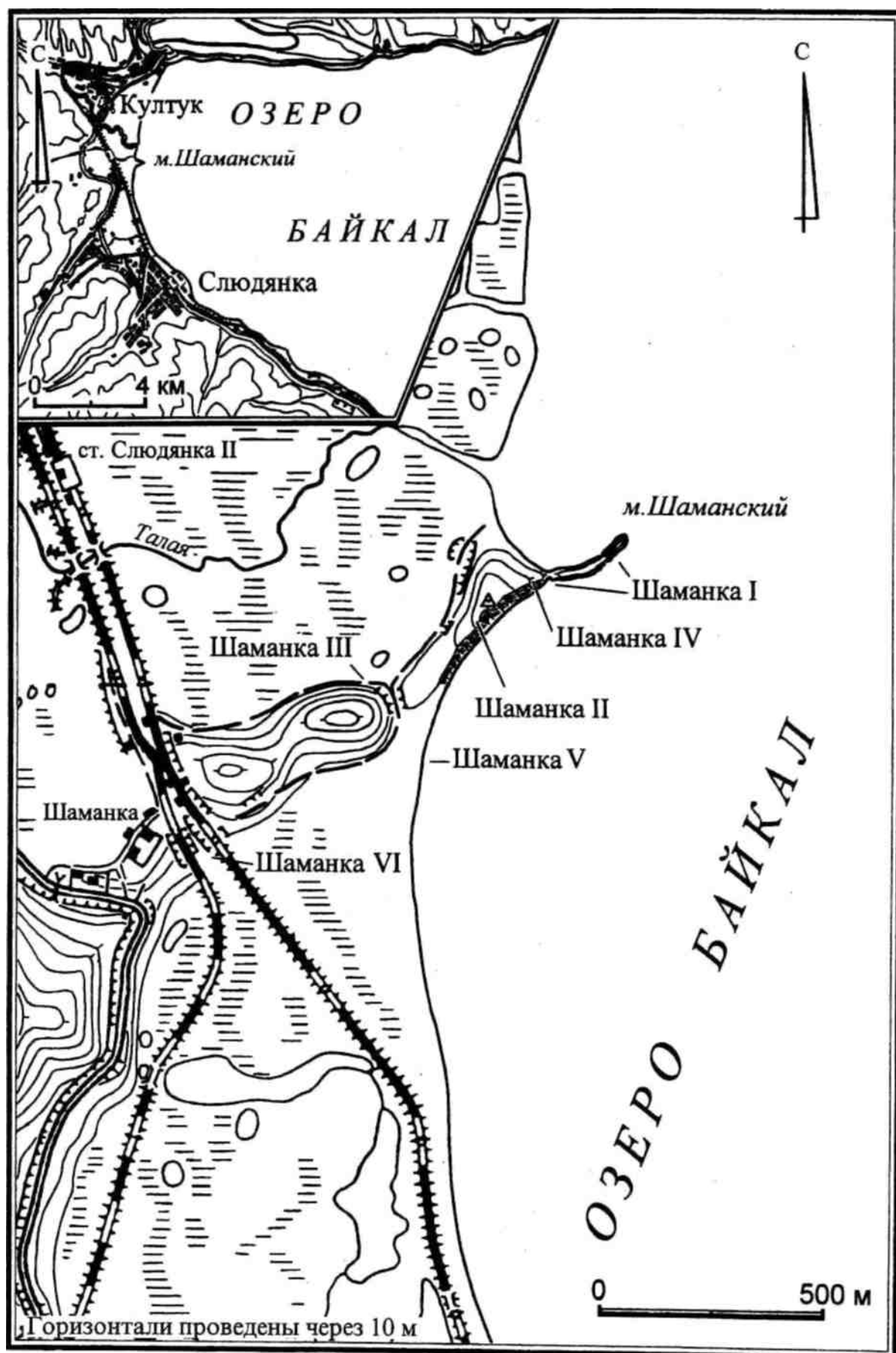

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов Шаманского мыса

тропинка. На вершине второго холма находится триангуляционный пункт с отметкой 484 м (балтийская система высот).

Первые сведения об археологических находках на этой территории относятся к 90-м гг. XIX века. В откосе перешейка между вторым и третьим холмами рабочие находили человеческие кости вместе с бронзовыми предметами. Находки не сохранились и их дальнейшая судьба неизвестна (Свинин, 1971:45). С 1956 г. В.В.Свининым неоднократно проводились археологические экскурсии школьников по территории Южного Байкала (устное сообщение В.В.Свинина). Посещался и Шаманский мыс. Собранный на его территории подъемный материал сейчас, возможно, утрачен.

В 1962 и 1965 гг. на Шаманском мысу впервые были выявлены древние захоронения. Три обнаруженных слюдянскими школьниками погребения располагались на юго-западном склоне второго холма и на перешейке между вторым и третьим холмами (Тиваненко, 1979). Два из них, изученные в 1962 г., оказались разрушенными. В одном из захоронений "погребальный инвентарь состоял из нефритового топора, трех костных шильев, двух игл из красной меди и дугообразного куса бронзы" (Тиваненко, 1979: 182). Непотребоженное захоронение было раскопано школьниками Слюдянки в 1965 г. В могильной яме овальной формы, размером 1,85 x 0,6 x 0,5 м, зафиксирован костяк. Яма и костяк обильно покрыты охрой. Труположение - вытянутое, ориентирован верхней частью на ССВ. Сопроводительный инвентарь зафиксирован компактной группой у дистальных эпифизов берцовых костей. Артефакты представлены 8 проколками-шильями и кинжаловидными остриями из рога, 8 костяными подвесками, 2 костяными иглами, 2 каменными пластинами, аргиллитовым ножом, 3 изделиями, получившими название в археологической литературе выпрямителей древков стрел, заготовкой нефритового топора, рыбой-приманкой и скульптурой из рога (Тиваненко, 1979).

В 1962 г. учителем школы № 7 п.Култук А.И.Комиссаровым и учеником Слюдянской школы А.Тиваненко произведены сборы подъемного материала вдоль берега Байкала от г.Слюдянки до п.Култук, между третьим и вторым холмом и на вершине второго холма (сейчас соответственно местонахождения Шаманка III и Шаманка II). Коллекции А.В.Тиваненко, собранные на мысе Шаманка и других памятниках за 1962-1966 гг. и хранившиеся в Слюдянском Доме пионеров, не имеют регистрационных шрифтов, перепутаны и утеряны (Свинин, 1971:45). Сохранилась документация лишь на находки из шурфов у дорожной выемки между вторым и третьим холмами (Шаманка III). Здесь под слоем дерна, в красно-буром суглинке, на глубине 5-10 см, найдены кремневые отщепы, обломки призматических пластинок со следами рабочей ретуши, микронуклеус клиновидной формы, с одного края которого снято не более 5-8 пластин, фрагменты

гладко стенного сосуда, орнаментированного отступающими вдавлениями палочки с закругленным концом (Свинин, 1971:45-46).

В 1963 г. В.В.Свининым во время осмотра Шаманки III выше по склону второго холма в выемке у тропы был поднят крупный фрагмент, аналогичный ранее описанному, только орнаментированный зубчатой лопаточкой (Свинин, 1971:45-46).

В 1966 г. территория мыса осмотрена В.В.Свининым (Свинин, 1971). Выявлено три группы скопления культурных остатков, которые концентрируются: на первом холме - от оконечности мыса до перешейка со вторым холмом (Шаманка I); на втором холме - по западному склону от вершины до дорожной выемки (Шаманка II) и на маленькой площадке 5-метровой террасы, примыкающей с северо-востока к восточному склону второго холма (Шаманка III).

В результате шурфовочных работ выяснилось, что мыс слабо задернован (толщина дерна не более 2-3 см). Под дерном в северо-восточной части памятника обнажался бурый суглинок, мощностью 20-30 см, содержащий редкие находки отщепов и тонкой гладкостенной керамики; ниже суглинок переходил в желто-бурую или серую супесь с большим содержанием дресвы и крупных булыжников, представляющих продукт разрушения коренных пород, на которых покоятся рыхлые отложения. В средней и западной частях памятника структура рыхлых отложений усложнялась - под дерном залегали эоловые наносы серого мелкозернистого речного песка, толщиной от 5-20 до 50-100 см; под песком находилась погребенная почва, толщиной 3-10 см; ниже ее - бурый суглинок с находками, толщиной 20-30 см, переходящий в желто-бурый суглинок, толщиной 20-50 см, который подстилается серой супесью с дресвой и булыжниками (Свинин 1971:47).

Находки обнаружены лишь в средней и западной частях местонахождения (шурфы № 5-10). Археологический материал представлен отщепами из кремня и кварцита, призматическими пластинками из сланца, кремневым нож, скребками с прямым и овальными рабочим лезвием, отбойниками и ретушерами на гальках, фрагментами керамики со штриховой поверхностью, орнаментированными отступающими вдавлениями зубчатой лопаточки, и гладкостенными, орнаментированными налепными волнистыми валиками.

Самым богатым по количеству находок оказался шурф № 7 (средняя часть стоянки). На его месте был разбит раскоп № 1 размером 4 x 5 м. Находки включали: отщепы со следами подработки, скребки на отщепах и пластинах, кремневый нож, призматические пластинки, призматический нуклеус, керамика с оттисками сетки-плетенки, фрагменты сосудов, украшенные ромбовидными линиями, вдавлениями зубчатой лопаточки, желобчатыми вдавлениями.

Весь комплекс находок Шаманки I датируется В.В.Свининым энеолитом (Свинин, 1971: 54-55).

В 1988 г. группой паспортизации Иркутского университета (А.В.Харинский и А.В. Секунов) осмотрен мыс Шаманка. На местонахождении Шаманка I собраны фрагменты керамики и кремневые отщепы. Между памятниками Шаманка I и Шаманка II на северо-восточном склоне второго холма в обнажении берега найдено несколько фрагментов керамики. Местонахождению присвоено название Шаманка IV.

В 1994 г. в 2,2 км к северо-востоку от г. Слюдянка, к югу от Шаманского мыса учителем слюдянской школы В.В.Махно открыто новое местонахождение -

Шаманка V. Археологический материал собран на песчано-галечном пляже (на протяжении 200 м) и на покрытом дерном берегу (высота 1,5 м над уровнем Байкала). Находки представлены кремневыми аргашпговыми отщепами, окатанными пластинами из кремня, фрагментом гладкостенного сосуда. По всей видимости, артефакты переотложены с памятников, расположенных на мысу Шаманка.

В 1995-1997 гг. обследование мыса Шаманка проводилось историко-краеведческим отрядом школы №2 г. Слюдянки (В.В.Махно). На Шаманке II собраны отщепы, пластины, нуклеус, фрагмент костяного ножа

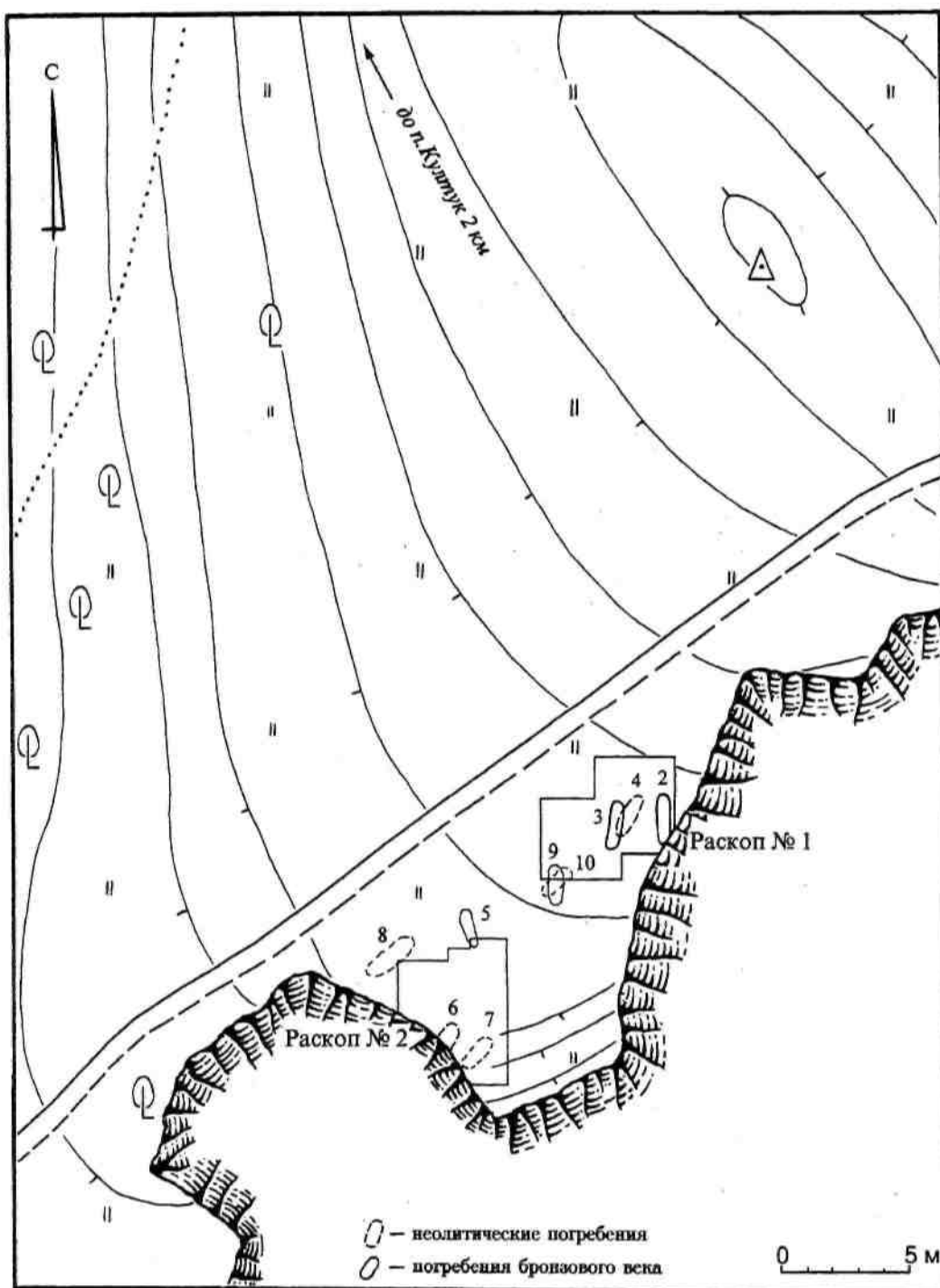

Рис. 2. План расположения погребений могильника Шаманка II

с пазом, обломок человеческого черепа. В 1996 г. В.В.Махно и А.Сизовым в осыпи берега обнаружен человеческий череп и плечевые кости (погребение № 1), фрагменты керамики, орнаментированной по венчику отступающей лопаточкой. Судя по расположению костей, умерший лежал на спине вытянуто, головой на север. Находки хранятся в кабинете краеведения Слюдянского дома детского и юношеского творчества.

В 1998 г. А.В.Харинским проводились раскопки обнажившегося в обрыве погребения (Харинский, 2000). На могильнике Шаманка II вдоль южного обрывистого склона мыса заложено два раскопа: № 1 - 19 кв. м, № 2 - 12 кв. м. В обоих раскопах зафиксирован культурный слой, содержащий находки неолита - бронзового века. На территории раскопа № 1 вскрыто 3 погребения. Два из них бронзового века (№ 2 и 3), одно неолитическое (№ 4). В раскопе № 2, расположенном к юго-западу от раскопа № 1, исследовано одно неолитическое погребение (№ 6) и расчищена кладка еще одного захоронения, сползшая вниз по склону (№ 5). Само захоронение не было вскрыто. Северной частью раскопа зачищен лишь край его могильной ямы. В южной части раскопа обнаружено пятно могильной ямы № 7, а в северозападном углу пятно могильной ямы № 8. Их раскопки были продолжены в 2000 г. К раскопу № 1 с запада была сделана прирезка - 6 кв. м. На ее площади удалось вскрыть только дерн и приступить к расчистке каменной кладки погребения № 9.

Между погребениями в раскопе № 1 обнаружены кремневые отщепы, фрагменты кости, фрагменты керамики, призматические пластины, бифас, фрагменты рога, костяная основа вкладышевого орудия с двумя продольными пазами, нуклеус.

В раскопе № 2 найдены: каменные отщепы, фрагменты кости, призматические пластины, отросток рога благородного оленя, зубы животных, в том числе клык медведя, фрагменты челюстей животных. Среди каменных изделий можно отметить кремневую проколку (провертку), концевой скребок из яшмы с округлым лезвием, двойной концевой скребок из кремня, килевидный нуклеус, кремневый наконечник стрелы с вогнутой базой, кремневый асимметричный наконечник стрелы с вогнутой базой, кремневый вкладыш.

В раскопе № 2 обнаружено 48 фрагментов керамики, из них 26 фрагментов покрыты с внешней стороны оттисками сетки-плетенки, другие гладкостенные. Венчики гладкостенных сосудов прямые, украшенные сверху прямыми или овальными вдавлениями, которые располагаются вертикально, наклонно или под углом друг к другу.

В 1999 г. Г.В.Туркиным было вскрыто захоронение № 7, зачистка могильной ямы которого была произведена годом раньше (Туркин, 2000).

С 2000 г. исследования могильника ведутся совместными усилиями Иркутского государственного университета (В.И.Базалийский) и Иркутского технического университета (Г.В.Туркин). В 2000 г. два

раскопа, заложенных на мысу Шаманка в 1998 г., были объединены в один (рис. 2). Вскрытая на могильнике площадь составила около 83 кв.м. В северо-западной части раскопа продолжены исследования погребений № 5, 8 и 9. Под захоронением № 9 обнаружено перекрываемое им более раннее погребение № 10. Общее количество раскопанных в 1998-2000 гг. на могильнике погребений составило 9 - 5 захоронений эпохи неолита и 4 захоронения эпохи бронзы (Базалийский, Туркин, Тютрин, 2001).

В настоящее время могильник Шаманка II активно исследуется и общее количество вскрытых погребений превышает 40 (Батыль, Базалийский, 2004). И, хотя погребения бронзового века уже были введены в научный оборот в сжатой форме, до сих пор обширной и детальной публикации по первым раскопанным погребениям на Шаманском мысу нет. Настоящая статья и является такой работой.

В связи с тем, что в Прибайкалье известно несколько археологических местонахождений с названием Шаманка, в одной из статей, посвященной описанию материалов с могильника Шаманка II, было предложено переименовать этот памятник в Тальский могильник (Базалийский, Туркин, Тютрин, 2001). На наш взгляд, это не совсем правомерно и мы предлагаем использовать для могильника неолита -бронзового века, расположенного в средней части мыса Шаманка, уже прочно вошедшее в научный оборот название Шаманка II.

Описание погребений

Погребение № 2. Зафиксированная над захоронением кладка овальной формы размером 0,7 х 1,6 м ориентирована длинной осью по линии север-юг. Камни уложены в 1 - 2 слоя и плотно прилегают друг другу. Мощность кладки 4-14 см. Размеры камней от 4 х 4 х 8 см до 8 х 20 х 20 см. Сразу под камнями кладки отмечена могильная яма. В верхней части она слабо различима. Яма заложена из основания серо-бурого суглинка. Она овальной формы, размером в верхней части 0,5 х 2,0 м. Глубина могильной ямы 0,35 м. К низу яма сужается до 0,45 м и удлиняется до 2,1 м. В северной части ямы отмечается небольшой подбой (рис. 3 - 4, 5).

В верхней части могильной ямы находилось каменное перекрытие размером 0,9 х 1,6 м, ориентированное по линии север-юг. Камни закрывали только центральную часть ямы и были уложены в один слой, вплотную друг к другу. Размеры камней от 2 х 4 х 4 см до 16 х 26 х 40 см (рис. 3 -1). В северной части перекрытия, между камнями, отмечена угольная линза овальной формы, размером 15 х 30 см. Линза вытянута по линии ЮЗ-СВ. Ее мощность 8 см.

В средней части могильной ямы отмечено еще одно каменное перекрытие. Его размеры 0,40 х 1,25 м, ориентировка по линии север-юг. Размеры камней от 4 х 6 х 16 см до 4 х 17 х 20 см. Камни уложены неплотно в один слой. Расстояние между камнями верхнего и нижнего перекрытия составляет 3-9 см. В

центральной части ямы камни верхнего перекрытия лежат на камнях нижнего перекрытия. Под камнями перекрытия, непосредственно над костяком, обнаружены куски бересты (рис. 3 - 2). Первоначально они, по всей видимости, составляли берестяное полотнище, закрывающее умершего сверху. У восточного края перекрытия найден кремневый бифас (рис. 3 - 8),

Костяк находился на глубине 32-55 см от поверхности земли. Погребенный располагался на спине, вытянуто, головой ориентирован по линии с азимутом 356° (рис. 3 - 5-5). Отсутствовали кости

левой ноги и левой руки. Вероятно, они осыпались вниз по склону. В осыпи обнаружена левая лучевая кость. Сохранность большей части костей хорошая. Череп раздавлен. Первоначально он был развернут лицевым отделом налево, в сторону озера. Костяк принадлежал женщине возмужалого возраста (adultus).

В междисковом пространстве третьего и четвертого шейных позвонков зафиксирована база каменного наконечника стрелы.

Справа от черепа погребенной отмечены остатки древесной трухи. У позвоночника и на крестце

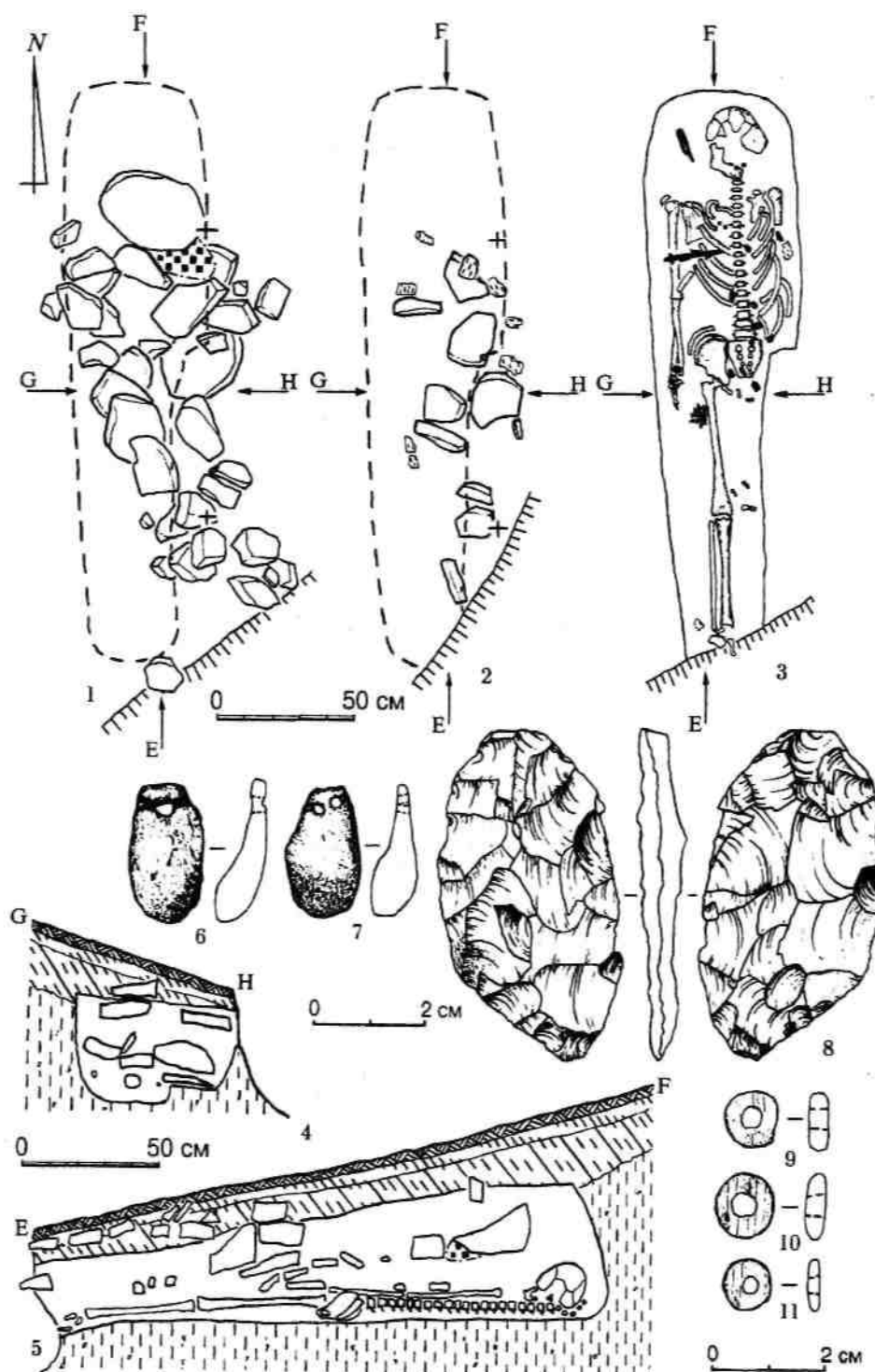

Рис. 3. Шаманка II Погребение 2

найден 6 подвесок из зубов марала. В корнях зубов просверлено отверстие, в одном из них имеется два отверстия (рис. 3 - 6, 7). У нижней челюсти обнаружено восемь круглых плоских перламутровых бусин с отверстием посередине. Одна бусина найдена за пределами могильной ямы, ниже по склону (рис. 3 - 9-11). На правой плечевой кости лежал костяной гарпун, развернутый острием к позвоночнику (рис. 4 - 1). Справа от позвоночника обнаружена овальная бронзовая бляшка с двумя отверстиями по краям (рис. 4 - 2). За пределами могильной ямы, ниже по склону, найдена еще одна подобная бляшка (рис. 4 - 3). Под

черепом располагался костяной наконечник стрелы (рис. 4 - 4). На дистальном эпифизе правой локтевой кости обнаружена круглая бронзовая бляшка (рис. 4 - 5). У остатка левой плечевой кости найден обломок бронзового ножа (рис. 4 - 6). К югу от крестца зафиксирована бронзовая лапчатая подвеска (рис. 4 - 7). Справа от верхней части правой бедренной кости найдено скопление каменных наконечников стрел (15 штук), первоначально, видимо, располагавшихся в сумочке. Три наконечника кремневые (рис. 4 - 8, 9, 20) два - сделаны из темно-зеленого сланца (рис. 4 - 12, 17), два - из углистого сланца (рис. 4 - 14, 15), четыре - из светло-серого кварцита (рис. 4 - 10, 13,

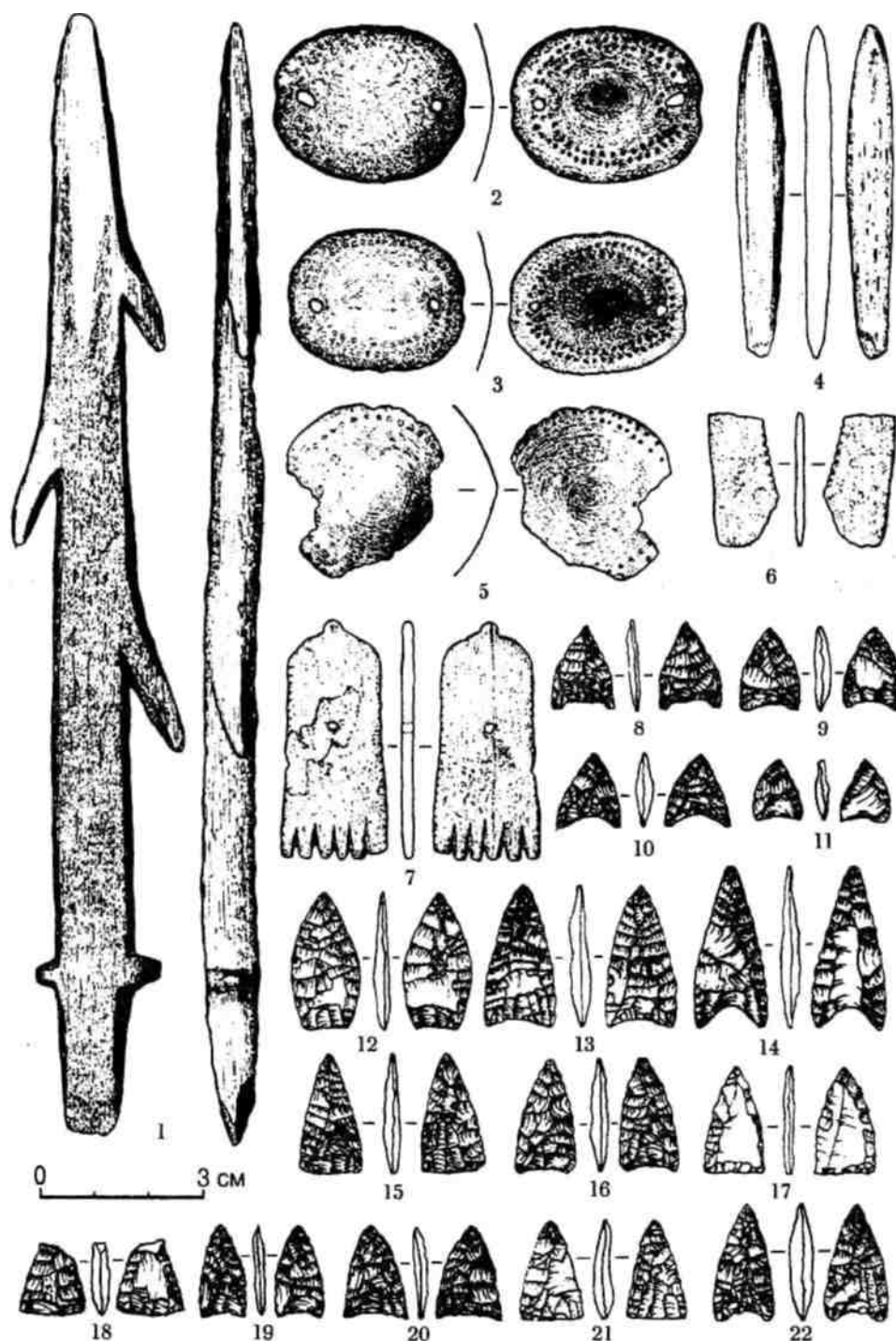

Рис. 4. Шаманка П. Сопроводительный инвентарь из могилы 2

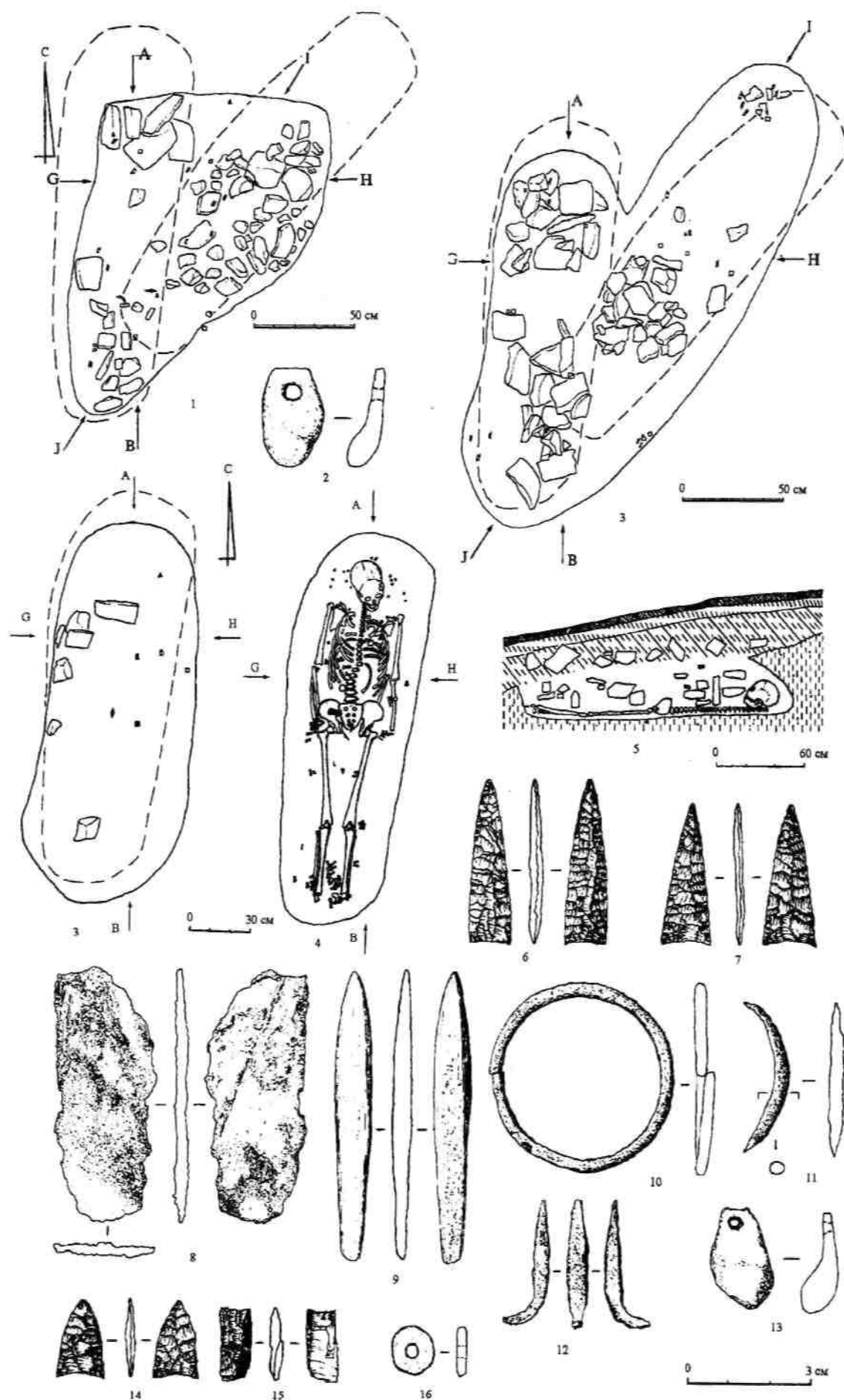

Рис. 5. Шаманка II. Погребение 3

16,18), два - из прозрачного халцедона (рис. 4 - И, 22) и два - из светло-серого халцедона (рис. 4 -19, 21).

Погребение № 3. Кладка захоронения находилась в 1 м к западу от кладки погребения № 2. Она вытянутой формы, размером 0,8 х 2,3 м, ориентирована по линии север-юг. Камни располагались разрозненно, уложены в 1-2 слоя. Мощность кладки 6-17 см. Размеры камней от 3 х 5 х 9 см до 17 х 17 х 26 см. Сразу под камнями кладки отмечена могильная яма, прослеженная из основания серо-бурого суглинка (рис. 5 - 6). Она овальной формы, размером в верхней части 1,0 х 2,1 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Глубина могильной ямы около 0,35 м. К низу яма сужается до 0,6 м. В северной части ямы отмечается небольшой подбой. Длина дна могильной ямы 1,85 м.

Могильной ямой погребения № 3 частично разрушено погребение № 4 более раннего возраста. Юго-западная часть его могильной ямы располагается под ямой могилы № 3. На глубине 0,35-0,55 м от поверхности земли могильные ямы обоих захоронений выглядят как единое целое. Их очертания напоминают треугольник, ориентированный вершиной на юго-запад (рис. 5 -1). На глубине 0,55-0,65 м начинают проявляться контуры каждой из ям. Поэтому с этого уровня описание могильной ямы № 4 и обнаруженного в ней археологического материала рассматривается отдельно от погребения № 3.

В могильной яме № 3 отмечено три уровня каменных перекрытий. В верхней части ямы находилось перекрытие размером 0,5 х 1,6 м, ориентированное по линии север-юг. Камни уложены в один слой. Их размеры от 2 х 3 х 6 см до 5 х 16 х 30 см. В центральной части перекрытия камни отсутствуют (рис. 5 -1).

Между камнями перекрытия, в южной части могильной ямы, обнаружены три фрагмента керамики, три фрагмента костей животных, аргиллитовая пластина, галька, костяной наконечник стрелы, каменный наконечник стрелы, фрагмент человеческой грудины с ребром. Среди керамики -фрагмент венчика и обломок орнаментированного тулова сосуда. Венчик округлой формы, украшен сверху овальными вдавлениями, расположенными под углом друг к другу. Стенка венчика с внешней стороны орнаментирована двумя рядами таких же вдавлений, расположенных наклонно. Фрагмент тулова украшен шестью горизонтальными рядами овальных наклонных вдавлений.

В северной части могильной ямы найдено семь фрагментов костей животных, два кремневых отщепа, на одном из которых вдоль края видны следы утилизации, и два фрагмента керамики. Один из фрагментов украшен дугообразными вдавлениями. Вдавления образуют ряды, пять из которых расположено вертикально, один наклонно и пять горизонтально.

В средней части могильной ямы отмечен второй уровень внутримогильного перекрытия. Между первым и вторым уровнем фиксируется небольшая

прослойка земли. Расстояние между камнями верхнего и нижнего перекрытия составляет 3-10 см. Размеры второго уровня перекрытия 0,50 х 1,65 м, ориентировка по линии север-юг. Размеры камней от 3 х 5 х 7 см до 5 х 17 х 20 см. Камни уложены неплотно в один слой (рис. 5 - 3). В северной части могильной ямы они располагаются непосредственно над черепом. В центральной части ямы камни отсутствуют.

Среди камней второго уровня перекрытия, в южной части могильной ямы, найдено четыре фрагмента кости и два кусочка керамики. Один фрагмент керамики орнаментирован вертикальными торцевыми вдавлениями отступающей лопаточки. В северной части могильной ямы обнаружено четыре фрагмента кости и два кусочка керамики. Керамика украшена горизонтальными рядами наклонных прямоугольных вдавлений. Снизу возле прямоугольных вдавлений имеются дугообразные отпечатки, также расположенные в ряд. На одном фрагменте имеется наклонный ряд вдавлений в форме ",".

Непосредственно над костяком располагался третий уровень каменного перекрытия. Оно представлено семью камнями, шесть из которых располагались в средней части могильной ямы и один в южной части ямы (рис. 5 - 4). На одном уровне с камнями перекрытия найдены: подвеска из зуба марала, каменный наконечник стрелы, халцедоновая пластина, кремневый отщеп и два фрагмента керамики. Один из фрагментов украшен горизонтальными бороздками, а другой - горизонтальными рядами прямоугольных наклонных вдавлений.

Костяк находился на глубине 0,50-0,65 м от поверхности земли. Погребенный располагался на спине, вытянуто, головой ориентирован по линии с азимутом 6° (рис. 5 - 5). Кости руки вытянуты вдоль туловища. Скелет сохранился в анатомическом порядке. Череп развернут лицевым отделом в пол оборота на юго-восток, в сторону озера. Костяк принадлежит взрослому мужчине (adultus).

В шестом позвонке грудного отдела позвоночника зафиксировано глубоко засевшее обломанное острие каменного наконечника стрелы. Следов облитерации на костной ткани нет.

В районе черепа погребенного и верхней части грудной клетки найдено 45 круглых перламутровых бусин (рис. 5 - 15). К северу от черепа обнаружен кремневый вкладыш (рис. 5 - 14). В левой части грудной клетки найден кремневый наконечник стрелы, повернутый острием к северо-востоку (рис. 5 - 8). Еще один кремневый наконечник стрелы отмечен справа от левой локтевой кости. Острием он обращен на юг (рис. 5 - 7). В правой части грудной клетки найдено четыре подвески из зубов марала. Одна подвеска обнаружена у левой локтевой кости (рис. 5-2, 17). Справа от нижней части позвоночника зафиксировано бронзовое кольцо с разомкнутыми концами (рис. 5 -11). На тазовых костях, с правой стороны, располагался бронзовый пластинчатый нож. Вероятно, он под углом вставлялся в деревянную рукоять. Следы древесины сохранились на лезвии

(рис. 5 - 9). У фаланг левой руки обнаружен обломок бронзового кольца (рис. 5 - 12). Между лобковыми костями таза найден костяной наконечник стрелы, направленный острием на северо-запад (рис. 5 - 10). Между бедренными костями погребенного отмечены: обломок бронзового рыболовного крючка (рис. 5 - 16) и кремневый наконечник стрелы (рис. 5 - 13). Наконечник развернут острием на ю г .

Погребение № 4. Захоронение частично разрушено могильной ямой захоронения № 3. Его юго-западная часть располагается непосредственно под ней. Сверху погребение № 4 перекрывалось каменной кладкой, первоначальные размеры которой восстановить невозможно. Сохранившаяся часть кладки имеет вид овала размером 0,6 x 1,1 м, ориентированного по линии ЮЗ - СВ (рис. 5 - 3). Камни уложены плотно в 1 - 3 слоя. Их размеры от 2 x 3 x 4 см до 6 x 17 x 17 см. Мощность кладки до 20 см.

Верхний уровень кладки находился на одинаковой глубине с первым уровнем внутримогильного перекрытия погребения № 3. Нижние камни кладки погребения № 4 располагались в одной плоскости со вторым уровнем внутримогильного перекрытия погребения № 3.

Второй и третий слои камней (второй уровень кладки) отмечены только в юго-западной части надмогильной кладки. Приблизительно на одном уровне с ними найдено восемь фрагментов костей животных и четыре кусочка керамики. Один из кусков украшен девятью горизонтальными рядами вдавлений, сделанных краем прямоугольной палочки, и пятью наклонными рядами дугообразных вдавлений. Другой кусочек керамики украшен четырьмя горизонтальными рядами дугообразных вдавлений. Вероятно, обнаруженная керамика не синхронна времени сооружения погребения № 4. Она попала между камнями случайно, во время совершения захоронения в погребении № 3.

Под кладкой погребения № 4 фиксировалась могильная яма, заложенная из основания серо-бурого суглинка. Она овальной формы, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Ширина верхней части ямы 0,75 м. Так как яма разрушена, ее первоначальную длину установить невозможно. Глубина ямы 45 см. Размеры дна могильной ямы 0,5 x 2,0 см. В нижней части ямы, в северо-восточной стенке имеется небольшой подбой (рис. 6 - 3, 4).

В средней части могильной ямы, в ее центре найден крупный камень размером 19 x 25 x 30 см (рис. 6 - 1). На одном уровне с камнем, в яме найдены отдельные человеческие кости: бедренная, тазовая, ключица, лопатка, позвонки, фаланги и ребра. Они не сохранили анатомический порядок.

В средней части могильной ямы обнаружено восемь фрагментов кости животных, четыре кремневых отщепа, плитка из аргиллита и семь кусочков керамики. Керамика украшена наклонными рядами овальных вдавлений, дугообразных и прямых вдавлений. Венчик сосуда прямой, орнаментирован-

ный в верхней части парными прямыми и овальными вдавлениями. С внешней стороны стенка сосуда украшена несколькими дугообразными и круглыми вдавлениями. Ниже располагаются горизонтальные ряды ромбических вдавлений. В северо-восточной части ямы обнаружены костяные острия (рис. 6 - 7, 8) и пластины, обломанные с одного конца. Другой конец пластин приострен (рис. 6-9, 10, 11; 12).

В нижней части могильной ямы отмечено три скопления человеческих костей (рис. 6 - 2). Анатомический порядок сохранили только кости в юго-западной части могильной ямы. Там располагались берцовые кости и кости стопы. В северо-восточной части ямы отмечены: тазовая кость, лопатка, локтевая кость и позвонки. В центральной части ямы располагались позвонки и ребра. Исходя из положения берцовых костей, можно предположить, что костяк располагался вытянуто на спине, верхней частью корпуса ориентирован по линии с азимутом 35°. Скелет принадлежал женщине пожилого возраста.

Между берцовыми костями обнаружены несколько фрагментов костяных острий, из которых впоследствии удалось составить три целых. Два фрагмента не апплицируемы. Острия прямоугольные в сечении, приостренные с одной или двух сторон. Одна грань острия украшена наклонными насечками. Они составляют 2 - 4 группы, включающие по 12 - 19 насечек (рис. 6 - 5, 6, 14, 15). Между дистальными эпифизами больших берцовых костей найден костяной наконечник стрелы с расщепленным насадом. Острие наконечника направлено на юго-запад (рис. 6 - 13).

Погребение № 5. Кладка была разрушена в древности и определенной формы в плане не имела. Никогда не отмечена ее смещенная часть. Она напоминает овал размером 1,9 x 3,1 м, ориентированный по линии ЮЗ-СВ. Камни располагаются разрозненно, уложены в один слой. Их размеры составляют от 2 x 2 x 4 см до 19 x 21 x 23 см.

Могильная яма имеет вытянутую в плане форму, имеет неправильные очертания. Продольной осью яма была вытянута по линии С-Ю, с небольшим отклонением к западу. Длина могильной ямы достигает 2 м, ширина - 0,63 м, глубина - 0,7 м. Яма завалена камнями средних размеров практически на всю глубину, но их количество уменьшалось по мере углубления. В средней части ямы, в вертикальном простирании отмечены зольники, тяготеющие к ее западной стороне. Непосредственно над костяком зафиксировано всего 8 камней.

Погребенный, мужчина возмужалого возраста (ad), зафиксирован на глубине 0,50-0,65 м от современной поверхности, в вытянутом положении на спине, верхней частью корпуса направлен на север (аз. 352°). Череп покоился на правой височной кости и лицевой частью был направлен на запад. Кости рук находились в вытянутом вдоль корпуса положении. Кости грудной клетки и таза отсутствовали. Левая бедренная кость лежала поперек продольной оси ямы,

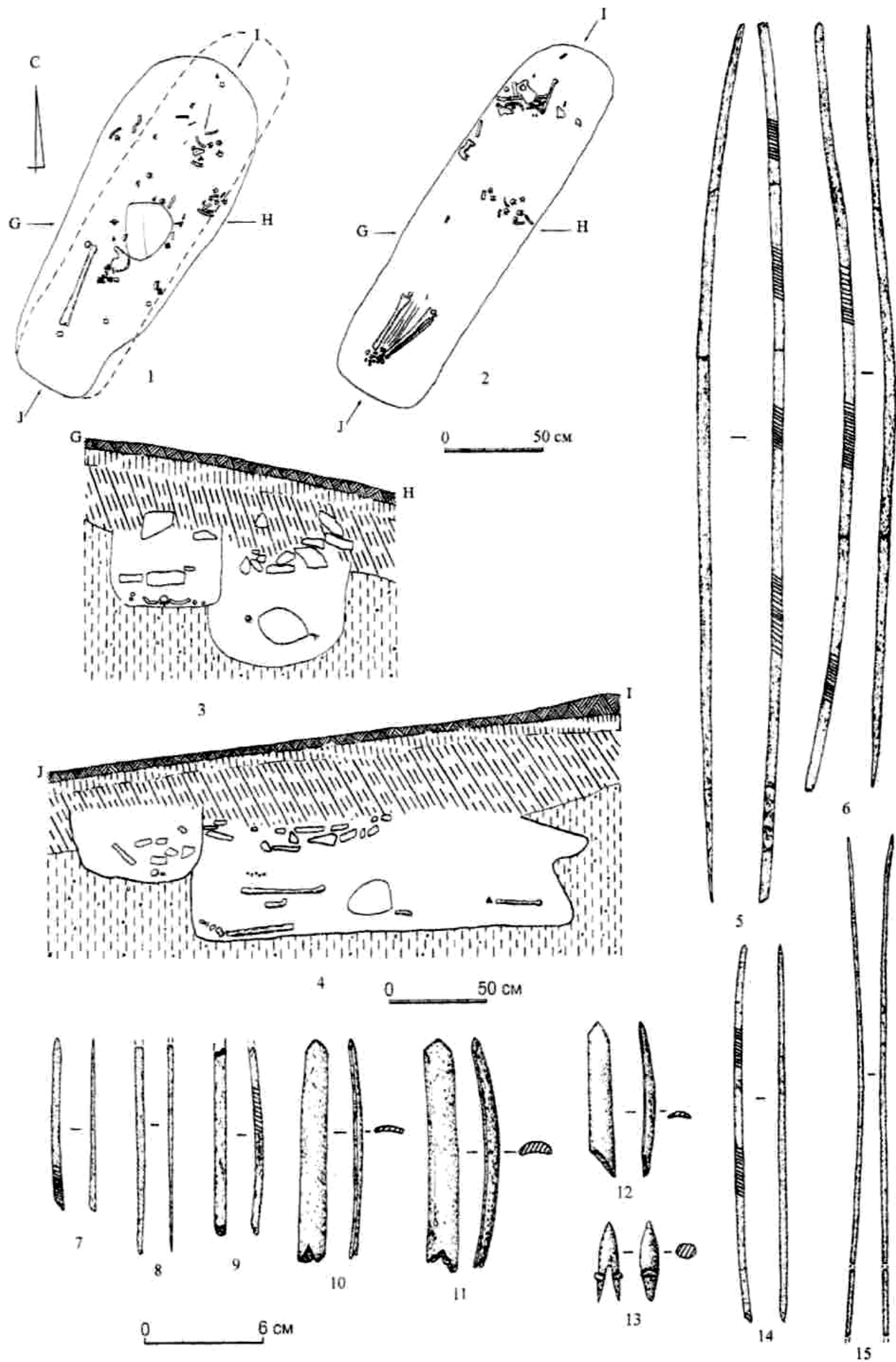

Рис. 6. Шаманка II. Погребение 4

между костями кистей рук и берцовыми костями, сохранившими анатомический порядок. Правая бедренная кость отсутствовала (рис. 7 - i). На затылочной кости черепа отмечено ромбовидное отверстие, оставленное наконечником стрелы. В головке левой плечевой кости обнаружен каменный наконечник стрелы, полностью засевший в губчатой ткани.

Сопроводительный инвентарь состоит из 166 предметов. Основным видом находок являются

перламутровые бусы - 117 штук (рис. 7 - 7). Бусы располагались в три ряда поперек сагиттальной линии черепа, перекрывали надбровные дуги и частично глазницы и помещались на прямоугольной полосе бересты. Также в области черепа располагались наконечник стрелы, скребок. На шейных позвонках найден бронзовый нож (рис. 1-11). Вероятно, из-за близости местонахождения этого ножа в зеленой цвет окрасилась лицевая часть черепа. Возле кисти левой руки зафиксированы диск из кальцита (рис. 7 - б),

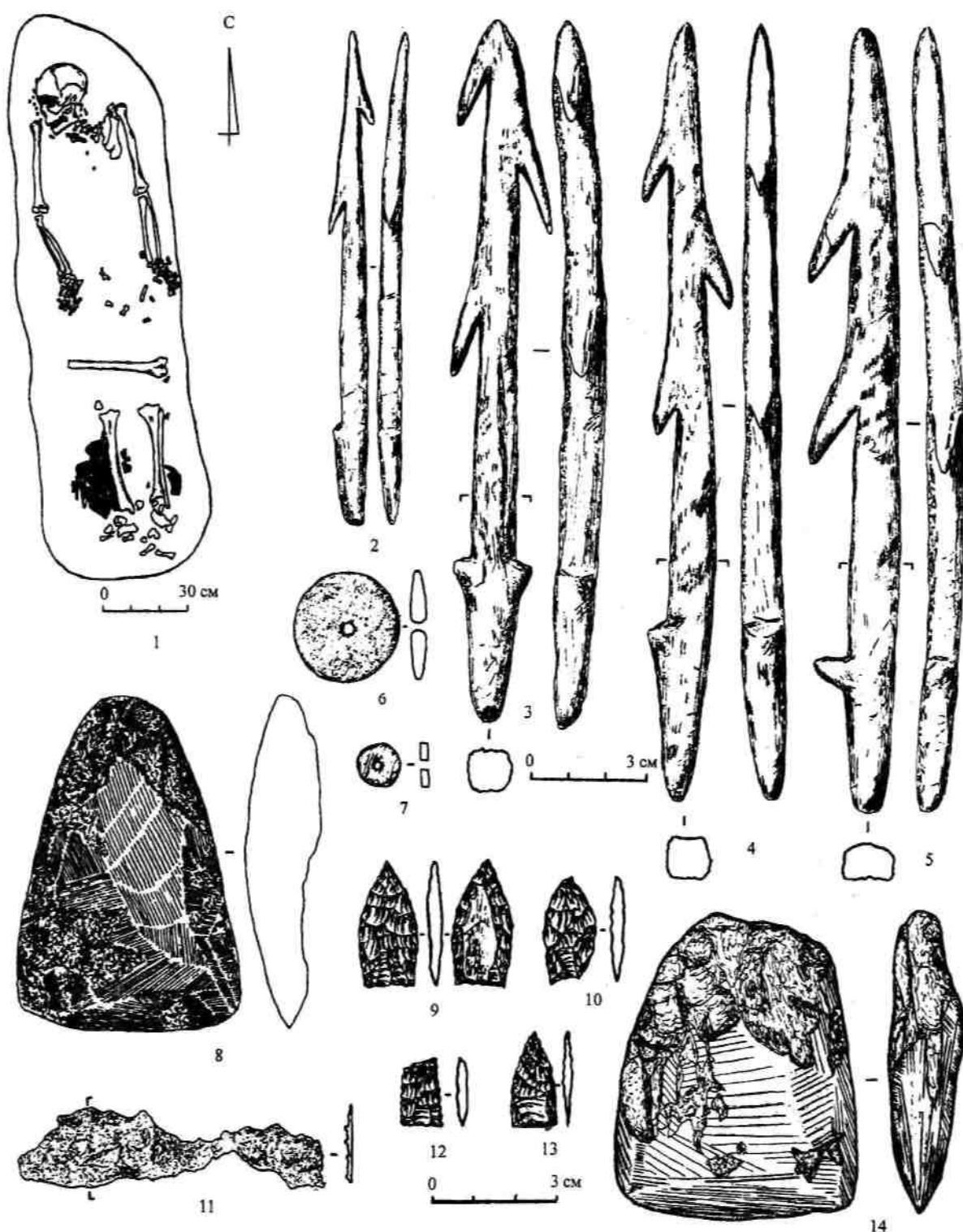

Рис. 7. Шаманка II. Погребение 5

кремневый наконечник стрелы и фрагмент наконечника стрелы (рис. 7 - 10, 12). Еще два наконечника стрел обнаружены рядом с головкой левой бедренной кости и слева от проксимальных эпифизов берцовых костей левой ноги (рис. 7 - 9, 13). Справа от диафизов берцовых костей располагалось скопление предметов, состоящее из лопатки лося, перекрывающей нижележащие изделия, 4 - х гарпунов (рис. 7-2-5), д в у х небольших нефритовых тесел (рис. 1-8, 14), отбойника из овальной в плане гальки, отщепов, сколотых с галек. Между берцовыми костями также обнаружены галечные отщепы.

Погребение № 6. В южной части раскопа № 2, н глубине 24-29 м от поверхности земли обнаружено пятно темно-бурого цвета, соответствовавшее пропорциям могильной ямы. Западный угол могильной ямы просел в обрыв. Размеры ее верхней части составляли 1, 0 х 1, 9 м. О н а четырехугольной формы, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Яма заложена из основания серо-бурого суглинка.

Её глубина 85 см. Кроме юго-восточной, все стенки ямы практически вертикальны (рис. 8 - 6).

В северо-западной части могильной ямы на глубине 90-95 см от поверхности земли обнаружена верхняя часть скелета, принадлежащего молодому м у ж ч и н е (рис. 8 -1). Нижняя часть костяка, видимо, снесена в обрыв. Погребенный, молодой мужчина (adultus), был расположен на спине, головой ориентирован на северо-восток (аз. 48°). Лицо умершего было развернуто в поборота налево (в сторону озера), кисти рук скрещены над правым бедром.

Справа от черепа, на дне могильной ямы найдена ногтевидная подвеска из кости (рис. 8 - 3). Еще две подобных подвески обнаружены в заполнении ямы (рис. 8-2, 4). В районе костей запястья находилось 940 бусин из пиррофиллита (рис. 8 - 5). С у д я по их расположению бусины были нашиты на рукава одежды или украшали руки умершего. В южной части ямы найдена малая берцовая кость вместе с костями стопы. Дно могильной ямы покрыто охрой

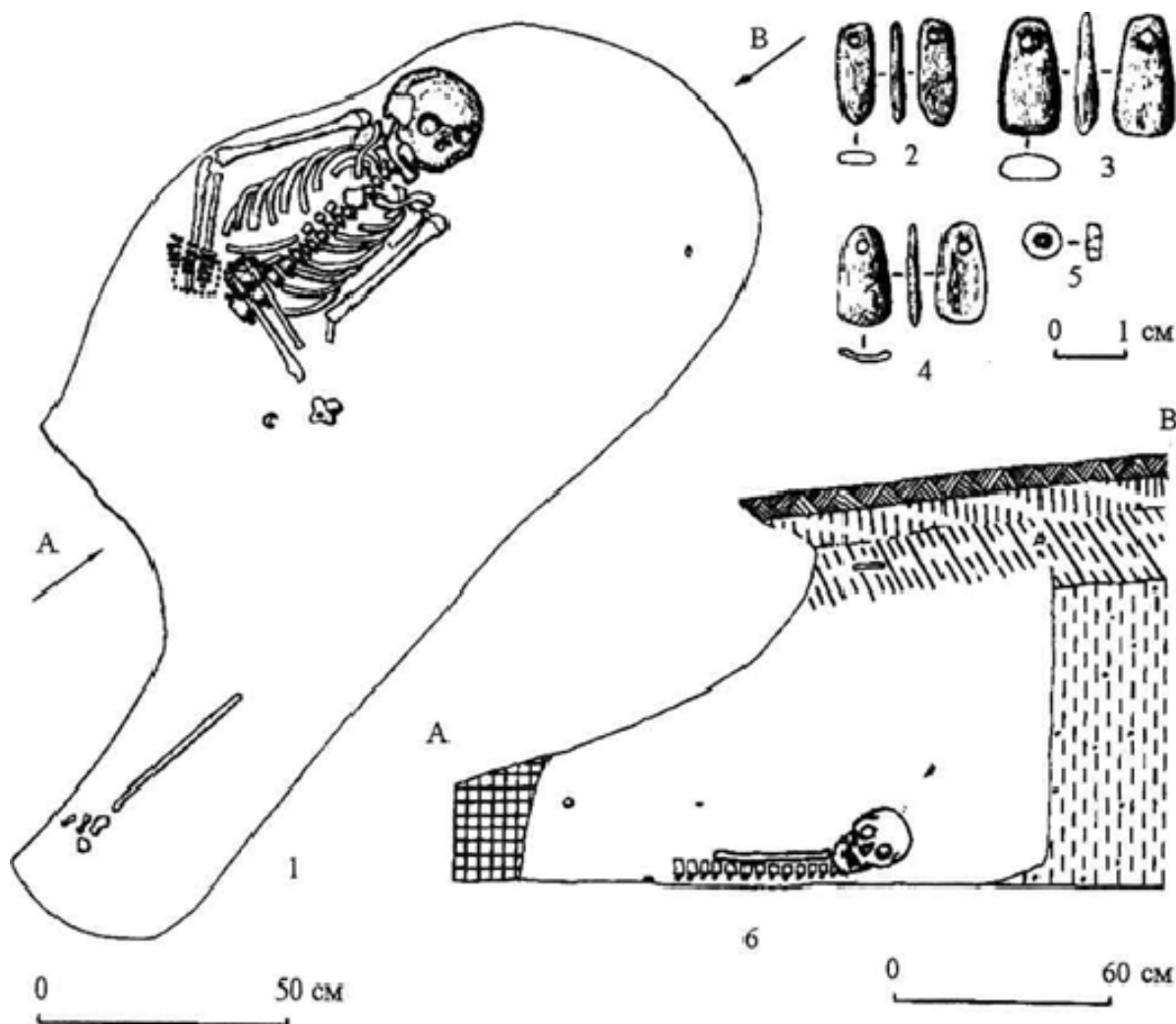

Рис. 8. Шаманка II. Погребение 6

Погребение № 7 располагалось ниже по склону, на расстоянии 0,5 м к юго-востоку от могилы № 6. Кладка над погребением не отмечена, возможно, склоновыми процессами она сброшена в обрыв. Могильная яма овальной в плане формы, с юго-западной и северо-восточной сторон ограничена выходами коренных отложений (рис. 9 - 1). Она заложена со среднего или нижнего уровня бурого суглинка с глубины 0,12-0,20 м от современной поверхности. Продольной осью вытянута по линии С В - Ю З (аз. 46е). Выделялась бурыми пятнами гумуса засыпки на общем светлом фоне. Длина ямы на уровне залегания погребенного 1,65 м, ширина - 0,44-0,77 м, глубина от современной поверхности - 0,30-0,56

м, от уровня закладки - 0,16-0,36 м (рис. 9 - 2). На среднем уровне заполнения ямы, у северо-западного и юго-восточного края отмечены два незначительных пятна охры. Их размеры соответственно 15 x 10 x 6 и 5 x 5 x 3 см.

В центральной части могильную яму над северо-западной стенкой прорезала современная яма (рис. 9 - 1, 5). Судя по уровню закладки и заполнению, она была сооружена недавно. Ее размеры 50 x 45 см, глубина 45-65 см. На дне ямы отмечен камень размерами 13 x 10 x 7 см.

Погребенная, женщина возмужалого возраста (adultus) располагалась в вытянутом положении на спине на глубине 0,08-0,24 м от уровня закладки ямы.

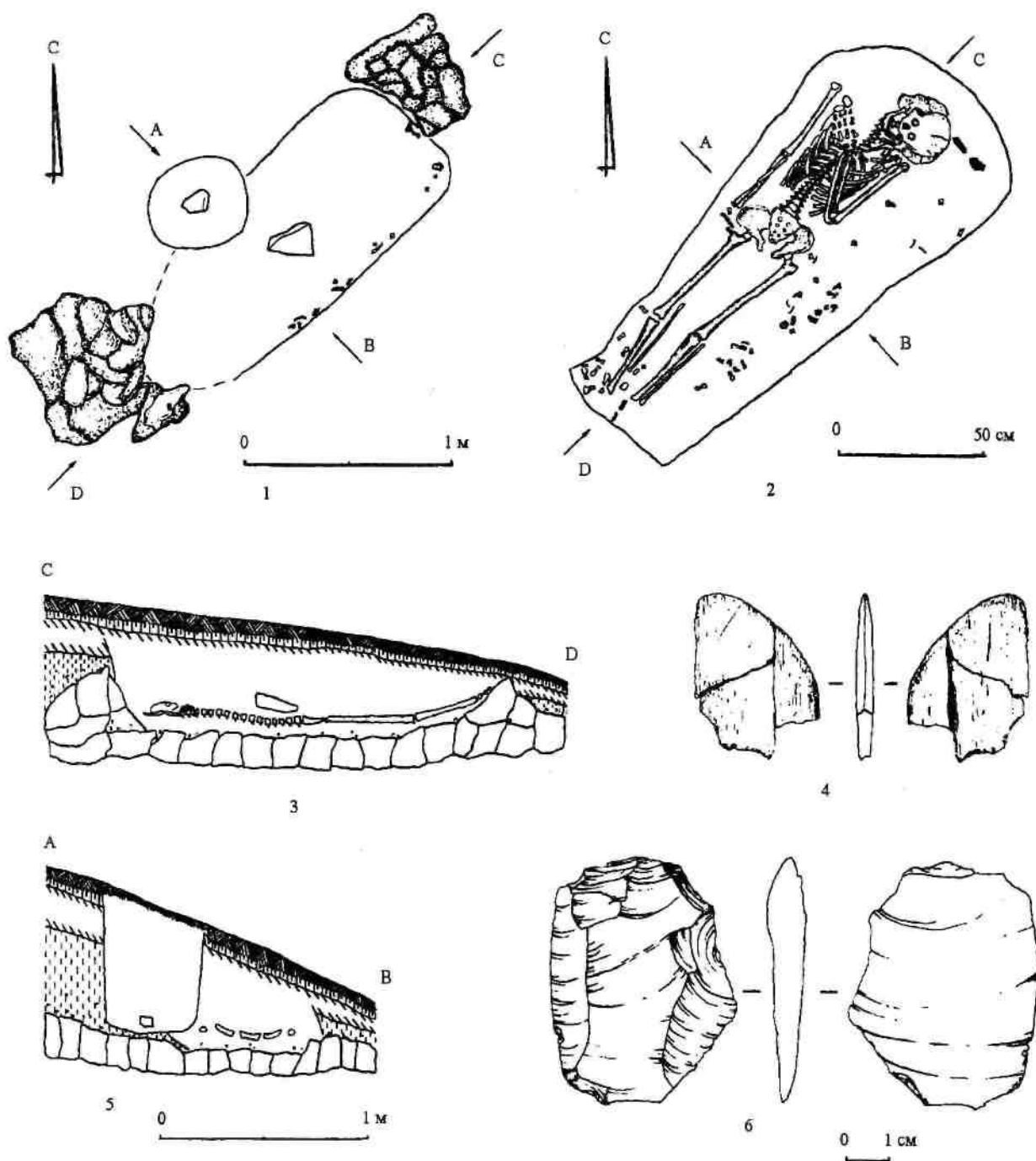

Рис. 9. Шаманка II. Погребение 7

Головой была ориентирована на северо-запад (аз. 46е). Череп раздавлен под воздействием почвы. Предположительно в момент погребения голова покойной была уложена на подставку из несохранившегося органического материала, вследствие чего шейный отдел позвоночника зафиксирован в сильно изогнутом состоянии (рис. 9 -2). Кости правой руки вытянуты вдоль корпуса. Кости левой были согнуты в локтевом сочленении так, что дистальные эпифизы находились над позвонками грудного отдела. Дистальными эпифизами большие берцовые кости ног покоились на известняковом выходе коренных отложений. Костяк был расположен у северо-западного края могильной ямы. Непосредственно над местом расположения тазовых костей, отделенным тонкой прослойкой засыпки, зафиксирована галька размерами 21 x 14 x 6 см.

В заполнении могильной ямы было зафиксировано 50 предметов. Однако возможна

вероятность попадания в могильную яму вместе с засыпкой некоторых предметов из культурно-содержащего слоя. Предметы были обнаружены у юго-восточного края могильной ямы, от уровня плечевого сочленения до коленного сочленения. Какого-либо порядка в их расхождении не отмечено. Всего в составе находок выделены следующие предметы: 8 каменных артефактов (в том числе два пластинчатых скола (рис. 9 - 6), один центральный сегмент пластины, остальные-отщепы; материал -кремний); 9 невтягивающихся когтей хищников средних размеров - представителей семейства куниц или соболей (?); 2 (правый и левый) клыка кабарги; 9 клыков животного средних размеров (возможно, куницы или соболя); 9 клыков мелкого хищника; 6 коренных зубов животных одного вида, имеющих одностороннюю шлифовку внутренней стороны зуба; 4 резца животных, два из них со следами сверления биконического отверстия; 3 фрагмента обработанной

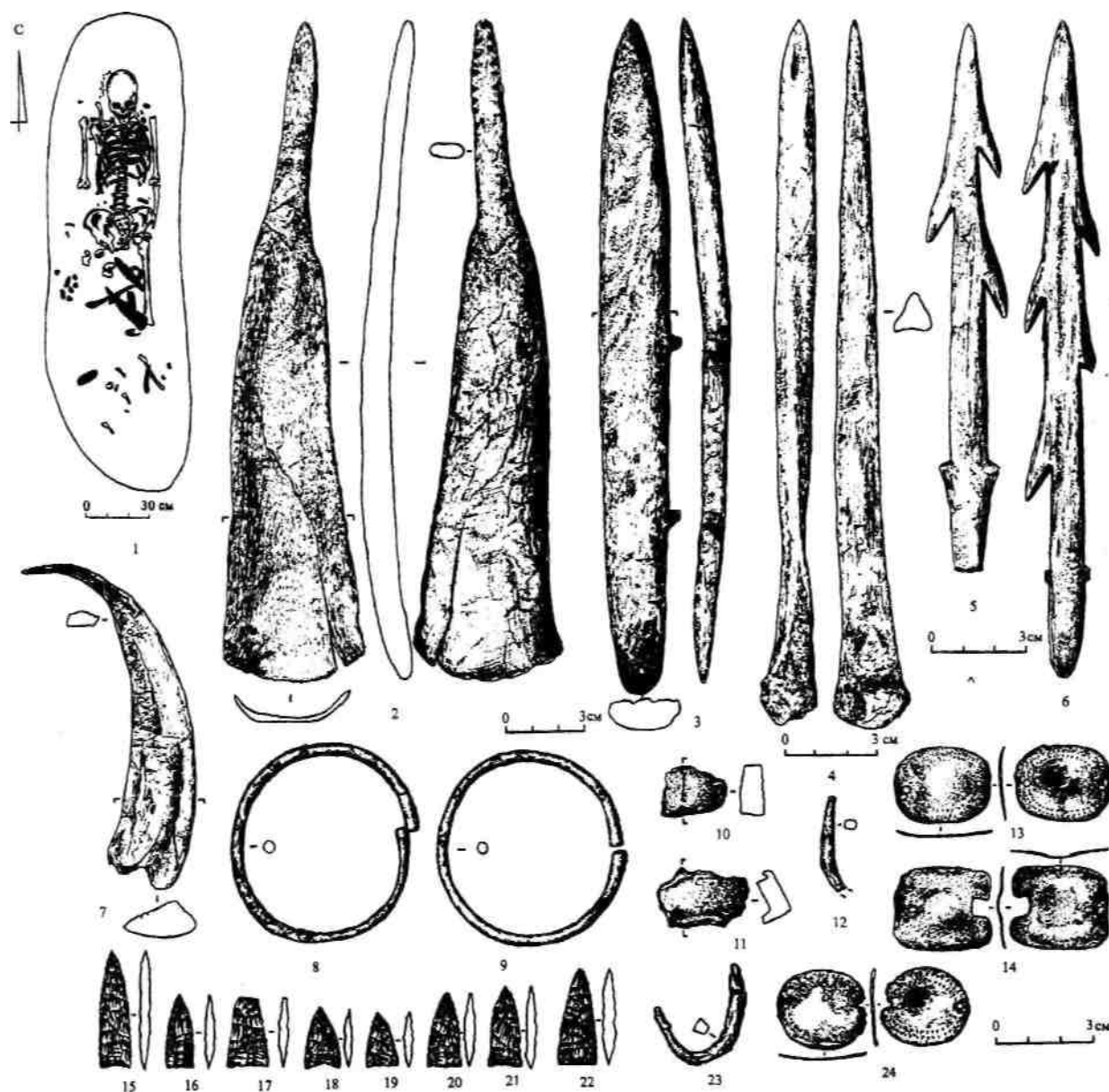

Рис. 10. Шаманка II. Погребение 9

кости, которые удалось апплицировать, в результате чего получился обломанный конец изделия (рис. 9 -4). Форму и размеры этого изделия установить не удалось. Техника, использовавшаяся, по крайней мере, для завершающего придания формы изделию -шлифование. Размеры сохранившейся части 3,9 x 3,0 x 0,4 см. Фрагменты артефакта из кости были обнаружены на различной глубине и довольно значительном расстоянии друг от друга в заполнении могильной ямы, поэтому не исключена возможность попадания в яму указанных фрагментов вместе с засыпкой.

Дно могильной ямы, костные человеческие останки и погребальный инвентарь окрашены охрой. Сохранность антропологического материала хорошая.

Погребение № 9 располагалось на расстоянии 2 м к СВ от могилы №5. Надмогильная кладка зафиксирована в разрушенном состоянии. Судя по расположению камней, в неповрежденном состоянии сохранилась незначительная часть кладки в северном секторе могилы.

М о г и л ь н а я я м а эллипсовидной в плане формы. На уровне подошв камней надмогильной кладки за пределами южного края ямы зафиксированы выброшенные из могилы берцовые кости ног, пяточные кости, а также роговое острие. Могильная я м а длиной до 2,15 м, ш и р и н о й 0,65-0,70 м, глубиной 0,65-0,70 м. В верхней части я м ы большинство (7) камней внутримогильного заполнения были сосредоточены в северной половине. В южной половине на этом же уровне зафиксированы 3 камня, сломанный гарпун (рис: 10 - 6), 2 фаланги пальцев, позвонок и клык кабарги. Кости и предметы сопроводительного инвентаря, видимо, были выброшены из могилы в процессе ее нарушения. При дальнейшей расчистке могильной я м ы в ее северном секторе были обнаружены 8 камней, кости правой руки вместе с кистью в анатомическом порядке (были сильно окрашены окисью меди), бронзовый рыболовный крючок (рис. 10 - 23) и острие, выполненное на к л ы к е кабана (рис. 10 - 7). Юго-восточнее костей правой руки располагались правая бедренная кость, лопатка и кости двух фаланг пальцев. В ю ж н о м секторе я м ы находились 2 ребра, 2 ф а л а н г и и фрагменты ребер.

Погребенная, ж е н щ и н а возмужалого возраста (j v -ad, 18-20 лет), была расположена в вытянутом положении на спине, на глубине 0,55-0,65 м от современной поверхности. Головой была ориентиров а н а север, с азимутом 5°. Кости рук были в ы т я н у т ы вдоль корпуса. Череп покоился на затылочных костях. Свое анатомическое положение сохранили левая бедренная кость, кости таза, верхняя часть корпуса, кости рук - у правой отмечена плечевая, у левой -плечевая и локтевая. В том месте, где должны были находиться берцовые кости, располагались лучевая кость левой руки, фрагмент ребра и две кости фаланг пальцев (рис. 10 -1).

На черепе имеется травма, приведшая, по всей видимости, к летальному исходу. От сильного удара тупым предметом оказалась разбитой левая скуловая кость и треснула лобная кость над левой глазницей. Следов восстановления костной т к а н и не отмечается.

Погребальный инвентарь представлен 63 предметами. Помимо упомянутых выше предметов, выброшенных из могилы, на уровне расположения костяка в могильной яме зафиксированы следующие изделия. Справа от черепа обнаружены 19 перламутровых бусин и каменный наконечник стрелы (рис. 10 -15); слева от черепа находилась бронзовая бляшка овальной в плане формы, выпуклая в поперечном сечении с двумя боковыми отверстиями для крепления, орнаментированная по периметру с вогнутой стороны двумя рядами точечных вдавлений (рис. 10 - 13). Возле левой ключицы отмечена подобная бронзовая бляшка (рис. 10 - 24). На правой лопатке - подпрямоугольная в плане бронзовая б л я ш к а с боковыми отверстиями для крепления (рис. 10 -14). Каменный наконечник стрелы - между правой плечевой костью и правой лопаткой (рис. 10 -19). На рёбрах слева от позвоночного столба отмечены 4 каменных наконечника стрел (рис. 10 - 18,20,21,22), 2 фрагмента изделия из бронзы (рис. 10 - 20,11) и 4 подвески из зубов марала. Справа от правой тазовой кости зафиксирован фрагмент бронзового рыболовного крючка (рис. 10 -12). В области тазовых костей отмечены 7 кремнёвых отщепов и 2 перламутровые подвески. В скоплении между бедренными костями обнаружены массивное острие из кости (рис. 10-4), "ложка" из рога (рис. 10-2), костяная лопатка, плоское роговое острие (кирка?), 2 бронзовых разорванных кольца с растресками (рис. 10 - 8, 9), массивное роговое острие с двумя боковыми выступами (рис. 10 - 3). В южной части дна могильной ямы найдены отбойник, костяная лопатка, 3 подвески из к л ы к о в марала, наконечник стрелы (рис. 10-76).

Хронокультурная идентификация погребений

Вскрытые на могильнике Ш а м а н к а II погребения относятся к разным хронологическим периодам. В четырех из них (2, 3, 5 и 9) обнаружены изделия из металла, в остальных трех (4,6,7) подобные предметы не отмечены. Помимо инвентаря, разница между двумя группами захоронений фиксируется в погребальном ритуале (ориентировка захоронений, наличие охры). О более раннем возрасте второй группы погребений указывает факт перекрытия захоронения 4 могилой 3, включенной в первую группу захоронений.

Первая группа. Поводом к объединению погребений 2, 3, 5 и 9 в одну группу послужили несколько обстоятельств. Во-первых, надмогильные конструкции погребений аналогичны. Они представлены мощными надмогильными конструкциями как из продуктов распада коры выветривания, так и из принесенного из прибрежной

зоны галечного материала. Хотя ни у одного из захоронений кладка полностью не сохранилась, наличие камней около них позволяет предположить, что намеренного разрушения надмогильной конструкции не было. Разброс камней кладки может объясняться их смещением в результате склоновых деструкции. Во-вторых, черты внутримогильной конструкции дополнительно свидетельствуют в пользу их объединения. Во всех захоронениях в могильной яме отмечается забутовка из камней, фиксируемая вплоть до останков погребенных. Вероятно, умершие были обернуты в берестяные пакеты или покрыты берестяными полотнищами, остатки которых зафиксированы около погребенных, что также наводит на мысль о хронокультурной близости захоронений.

8-трепых, погребенные имеют схожее расположение, характеризующееся трупомещением вытянуто на спине; руки вытянуты вдоль корпуса; лицевая часть черепа развернута на восток. В-четвертых, все погребенные ориентированы головой на север. В-пятых, все погребения первой группы располагаются в один ряд, ориентированный по линии юго-запад - северо-восток, что свидетельствует об общей планиграфии захоронений. Соблюдение в отношении погребений 2, 3, 5, 9 единых сакральных принципов, нашедших отражение в расположении погребенных, конструкции и планиграфии захоронений, свидетельствует об их культурном единстве.

Ещё одним доводом в пользу объединения указанных комплексов в одну группу может служить установленный абсолютный возраст комплексов. По костным останкам погребенных получены следующие даты: мог. 2 - 3900±30 (СОАН-3895), мог. 3 - 3890±45 (СОАН-5165), мог. 5 - 3600±70 л.н. (ГИН-11229), мог. 9 - 3520±60 л.н. (ГИН-11230). С учетом калибровки время сооружения отдельных могил выглядит следующим образом: мог. 2 - 2860-1980 гг. до н.э.; мог. 3 - 2470 - 2200 гг. до н.э.; мог. 5 - 2140 - 1740 гг. до н.э.; мог. 9 - 2020 - 1690 гг. до н.э. Калибровка дат выполнялась по программе REV 4.3, разработанной в Лаборатории четвертичных изотопов Вашингтонского университета. Границы хронологических диапазонов считывались по 2 sigma.

Расположение захоронений первой группы в один ряд свидетельствует о том, что они сооружались с незначительным временным интервалом, подчиняясь закономерностям общей планиграфии. Судя по радиоуглеродным данным, наиболее ранними из могил были располагающиеся в северо-восточной части ряда - выше по склону. Если предположить, что погребальный ряд заполнялся последовательно, то самым ранним из захоронений будет погребение 2, а самым поздним - погребение 5. Верхняя граница сооружения захоронения 5 определяется 1740 г. до н.э., поэтому примем ее как верхнюю границу первой группы могил в целом. Нижнюю границу их сооружения можно соотнести с датой по захоронению 2, но она имеет большой доверительный интервал -130 лет, поэтому не совсем удобна для использования.

В связи с этим воспользуемся датой по погребению 3, доверительный интервал которой составляет 45 лет. Нижняя граница сооружения погребения соответствует 2470 г. до н.э., который и предлагается считать нижним рубежом времени, в течение которого функционировала первая группа захоронений Шаманки И. Следовательно, время существования первой группы могил соответствует сер. XXV - сер. XVIII вв. до н.э. и соотносится с диапазоном в 730 лет, что, безусловно, не соответствует действительности и лишь определяет широкие хронологические рамки. Вероятно, при датировке могильника следовало бы придерживаться более узкого хронологического диапазона, расположенного между верхней границей сооружения могилы 3 (2200 гг. до н.э.) и нижней границей сооружения могилы 9 (2020 г. до н.э.). Слегка расширив эти временные рамки, получим приблизительное время функционирования могильника - сер. XXI в. - нач. XIX вв. до н.э., что на наш взгляд, будет более правомерным.

Наличие в первой группе захоронений изделий из меди или из сплавов, в основе которых была медь, преобладание в инвентарном комплексе костяных и каменных изделий, датировка могил второй половиной I-I тыс. до н.э. - началом II тыс. до н.э. позволяет отнести первую группу захоронений могильника Шаманка II к бронзовому веку. Относительно территории Прибайкалья понятие бронзовый век пока является условным. Работа по химической идентификации металлических вещей из погребений III-I тыс. до н.э. пока находится на начальной стадии (Сергеева, 1981; Шмыгун, Сергеева, Лыхин, 1981; Горюнова, Павлова, 2003), что затрудняет проследить технологию развития цветной металлургии на юге Восточной Сибири. Поэтому к бронзовому веку мы относим и те погребения, в которых отмечены и захоронения с медными вещами. Возможно, с появлением новых исследований в этой области, для территории Прибайкалья можно будет выделить периоды энеолита (присутствие медных изделий) и бронзового века (появление сплавов на основе меди, в том числе и бронзы), но сейчас для этого еще не хватает материалов.

Вторая группа. Несмотря на различную степень сохранности захоронения 4, 6, 7 имеют достаточно веские основания для объединения в отдельную группу. Во-первых, в перечисленных захоронениях погребенные первоначально располагались однообразно - вытянуто на спине. Во-вторых, у всех погребенных, отмечена общая ориентировка верхней части тела на ССВ. В-третьих, в погребениях второй группы зафиксировано использование охры по всей площади могильной ямы. Кроме этого, в могиле 6 отмечены «посторонние» кости человеческого скелета, что является одной из характерных особенностей погребального ритуала захоронений «эпохи раннего неолита» (Базалийский, 1998:14). По всей видимости, вторую группу могил можно

дополнить могилей, раскопанной в 1965 г. Она обладает всеми характерными чертами, выявленными у погребений данной группы.

Могила второй группы старше захоронений эпохи бронзы, так как перекрываются ими. Погребение 3 располагается над могилей 4, а захоронение 9 перекрывает могилу 10, раскопанную в 2000 г. (Базалийский, Туркин, Тютрин, 2001: рис. 14). По костям погребенного из захоронения 4 получена радиоуглеродная дата 6600 ± 180 л.н. (ГИН-10209), а из захоронения 6 - дата 6090 ± 130 л.н. (ГИН-10208). С учетом калибровки время сооружения отдельных могил выглядит следующим образом: мог. 4 - 5830-5150 л.н.; мог. 6 - 5320 - 4690 л.н. Исходя из этих дат «китойские» захоронения могильника Шаманка II можно датировать в пределах 5830-4690 л.н. Указанный возраст второй группы погребений носит предварительный характер и, возможно, в дальнейшем с появлением новых материалов будет уточнен.

С учетом раскопанных в 2000 г. захоронений (Базалийский, Туркин, Тютрин, 2001: рис. 14) можно констатировать, что «китойские» могилы Шаманки II, по всей видимости, располагались рядами. Выявлен и их ряд, ориентированный по линии восток-запад. Он образован могилами 6 и 7. Вероятно, могилы 4, 8, 10 также представляют каждая отдельный ряд, являясь крайне юго-восточными в нем. Это предположение было подтверждено дальнейшими раскопками могильника (Батыль, Базалийский, 2004). Судя по радиоуглеродным датам, вначале был сформирован верхний ряд неолитических погребений, а затем нижние. Как и в случае с захоронениями эпохи бронзы, составление рядов начиналось с погребений, расположенных выше по склону (т.е. северо-восточных) и продолжалось вниз по склону.

Характеристика сопроводительного инвентаря

Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в погребениях, разнообразен и представительен. Для удобства при его рассмотрении учитывалась групповая принадлежность и материал, послуживший для изготовления артефактов.

Погребения китайского времени **Каменный инвентарь.** В данную категорию включены пастовые бусины (мог. 6) и 8 продуктов расщепления камня (мог. 7).

Пастовые бусины зафиксированы в районе кистевых сочленений погребенного в могиле 6 человека. Они обнаружены в соприкосновении плоскими гранями по окружности дистальных эпифизов локтевых костей. Судя по их взаимному расположению можно предположить, что они были рядами нашиты на рукава одежды. На территории Прибайкалья пастовые бусины отмечены в широком хронологическом диапазоне - с раннего неолита до раннего железного века (Окладников, Конопацкий, 1984; Горюнова, 1997; Туркин, 2003).

Продукты расщепления кремня представлены в основном сколами и отщепами, которые не обладают достаточной степенью выразительности для установления возраста комплекса. Не вносит ясности и сегмент пластины.

Костяные изделия. Рассматриваемая категория предметов представлена тремя целыми костяными остриями и пятью фрагментами различной степени сохранности, костяным наконечником стрелы, заостренными с одного конца 3 пластинами (мог. 4), 3 ногтевидными подвесками (мог. 6), 39 зубами и когтями (мог. 7).

Острия, вырезанные из кости, являются оригинальными изделиями. Об этом в достаточной степени свидетельствует как морфологический облик изделий, так и их расположение в могильной яме относительно останков погребенного. Острия имеют разные размеры, но вне зависимости от него обладают одинаковой формой, которую можно назвать спицеобразной. Оба конца острий приострены. В поперечном сечении острия имеют прямоугольную форму. На одной из граней нанесены наискось насечки двумя-тремя-четырьмя группами в зависимости от линейных параметров артефактов. Как уже было отмечено ранее, часть острий, точнее их фрагментов, была обнаружена в заполнении могильной ямы в явно смещенном со своего первоначального местоположения виде. Однако три из них были намеренно разломаны на две части и в таком виде помещены между ног погребенного. Определить функциональное назначение острий затруднительно, но и с учетом особенностей формы и размера изделий, характера нанесения орнамента, имеющего практическое назначение, можно предположить, что острия, вероятно, использовались для придания жесткости какому-либо орудию или нескольким орудиям (так как острия различного размера) вытянутой формы. Насечки в данном случае могли служить для придания гладкой поверхности шлифованной кости возможности перевязывания, чтобы предотвратить соскальзывание перевязи. Вместе с тем нельзя исключать возможности того, что острия являлись некими культовыми предметами для древнего населения. Аналоги остриям из могилы 4 неизвестны, что придает им уникальность. Очень близкое по размеру и характеру декора изделие известно в результате раскопок в 1952 г. могилы в Иркутске (Окладников, 1974: табл. 45 - 7). Погребение отнесено к китойскому времени.

Костяной наконечник, обнаруженный вместе со спицеобразными остриями, по всей видимости, является наконечником стрелы. Об этом предположении свидетельствуют его размеры. Изделие не является уникальным для погребальных комплексов Прибайкалья. Подобные наконечники, имеющие не просто близкую форму, а полностью идентичные ему, известны из погребений 23 и 37 могильника Локомотив в г.Иркутске (Базалийский, 1990). Захоронения отнесены к китойской культуре раннего неолита. В могильнике Локомотив

наконечники гораздо худшей сохранности, видимо, поэтому автор раскопок назвал их втульчатыми. Однако шаманский наконечник имеет раздвоенный насад, что не позволяет в терминологическом отношении охарактеризовать его в т у л в ч а т ы м .

Костяные пластины представляют собой расщепленные ребра животных, поэтому ширина их практически одинакова - 1,2-1,5 см. Один конец пластин приострен, другой, видимо, обломан. Вследствие этого их длина различна - 8,2-11,5 см. Подобные пластины встречены впервые при раскопках в 1950 г. на Циклодроме в Иркутске погребения китойского времени (Окладников, 1974: 43). Там были обнаружены четыре костяные п л а с т и н ы , длиной до 8 см и шириной до 1,6 см. Оба конца самой крупной пластины приострены (Окладников, 1955: 61). По предположению А.П.Окладникова, данные пластины являются ничем иным к а к накладками на лук. Их примитивность, по мнению исследователя, вызвана деградацией лука в предшествующее глазковскому китойское время. Сейчас уже не вызывает сомнений сопоставление китойской к у л ь т у р ы с эпохой раннего неолита. В этой связи указанные пластины приобретают важное значение как наиболее древние свидетельства существования сложносоставного л у к а уже в VI т ы с . д о н .э.

Ногтевидные подвески представляют собой вырезанные из трубчатой кости прямоугольные пластинки, у одного из краев которых просверлено отверстие. Их длина составляет 1,4-1,7 см, ширина 0,5-0,9 см. Узкая датировка затруднена обилием аналогичных изделий в широком культурно-хронологическом диапазоне.

Зубы и когти животных из могилы 7 практически не имеют следов обработки. Исключением являются 6 коренных зубов животных одного вида, имеющих одностороннюю шлифовку внутренней стороны зуба и 4 резца животных, два из них со следами сверления биконического отверстия. Е с л и д л я имеющих с к в о з н ы е отверстия резцов можно предположить использование в подвешенном состоянии, то д л я ш л и ф о в а н н ы х зубов предположить функциональное назначение крайне затруднительно.

Погребения бронзового века

Изделия из меди. Предметы погребального инвентаря, изготовленные из меди, были зафиксированы в могилах 2, 3, 5 и 9. Их общее количество составляет 19 экземпляров. Химический а н а л и з металлических вещей не проводился, поэтому все обнаруженные вещи мы определяем к а к медные, хотя, вполне возможно, что среди них могут присутствовать и изделия из сплавов, в том числе бронза. По насыщенности металлическими вещами четыре погребения Шаманки II можно признать уникальными в сравнении с другими погребениями бронзового века П р и б а й к а л ь я , где нередки н а с т о л ь к о опустошенные захоронения, что не содержат подчас какого-либо инвентаря, или отмечено его

незначительное количество. Подобное значение погребений с мыса Шаманка может быть четко проиллюстрировано сравнительными данными по захоронениям бронзового века других районов Прибайкалья. Так, например, на 28 раскопанных в 1959 г. могил Фофановского могильника (Забайкалье) приходится 7 бронзовых изделий (Герасимов, Черных, 1975); на 53 раскопанных захоронения могильника Хужир-Нугэ XIV (Приольхонье) - 5 бронзовых предметов (Горюнова, Вебер, 1997, 2000; Горюнова, Вебер, Ливерсе, Новиков, 1998); на 15 изученных погребений Усть-Идинского могильника (Южное Приангарье) - 1 бронзовый нож (Тютрин, Базалийский, 1996); из 11 могил эпохи бронзы Макрушинского могильника (долина Лены) лишь одно сопровождалось обломком стерженька (Алтухов, 2001).

В номенклатурном отношении медные изделия Шаманки II представлены: ножами - 3 экз. (могилы 2,3,5) и рыболовными крючками - 3 экз. (могила 3 -1 экз., могила 9 - 2 экз.). Украшения представлены кольцами - 4 экз. (могилы 3 и 9 по два экз. в каждой), а также нашивными бляшками - 6 экз. (могила 2 - 3 экз., могила 9 - 3 экз.) и единственной подвеской (могила 2).

Орудия из металла являются довольно ординарными для бронзового века Прибайкалья. Более того, предметный комплекс бронзового века, который исследователи вслед за А.П.Окладниковым до сих пор хронологически соотносят с глазковским этапом (Горюнова, 2002), отнюдь не показывает прогрессивного развития орудийного комплекса из металла. Напротив, более распространенным я в л я ю т с я кремневые а р т е ф а к т ы , на что уже обратили внимание исследователей Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых (Черных, Кузьминых, 1989).

Ножи. Нож из могилы 3 гораздо лучшей сохранности, поэтому его форма и другие параметры позволяют провести анализ на установление хронологических рамок употребления более содержательно в отличие от фрагмента ножа из захоронения 2. Сохранность второго ножа из могилы 5 неудовлетворительная, но можно не сомневаться в его типологической близости к н о ж у из м о г и л ы 3. С у д я по сохранившимся частям, ножи из погребений 3 и 5 имели прямоугольную форму, что сближает их с третьей группой ножей бронзового века по А.П.Окладникову (1955:36). Помимо прямоугольной формы эти ножи имели одну рабочую сторону, противоположный край А.П.Окладников предложил назвать спинкой (Окладников, 1955: 36). Из включенных в данную группу ножей более близким к шаманским по линейным параметрам является обнаруженный в разрушенном погребении Ключ Цакюр. Длина последнего 7,8 см при ширине 2,3 см (Окладников, 1955, рис. 12 - 3). Шаманские ножи несколько меньше по размеру - их длина 6 см (мог. 5) и 7,4 см (мог. 3) при ширине 1,8 см и 2,5 см соответственно. А.П.Окладников указывал на типологическую близость исаковских шлифованных

сланцевых ножей с затупленной спинкой и бронзовых пластинчатых прямоугольных ножей, подразумевая архаическую преемственность (Окладников, 1955: 51). Оставляя в стороне недостатки типологического метода при построении эволюционной линии развития морфооблика артефакта, следует отметить, что в действительности сходство исаковских и глазковских ножей исчерпывается лишь внешним видом. Отсутствуют какие-либо данные о способе крепления Исаковского ножа к рукояти, если она вообще существовала. По нашему мнению, видоизменение формы и уменьшение размеров всего ножа может быть связано с эволюцией подхода древнего населения к модернизации режущего орудия. Вполне возможно эта модернизация привела к уменьшению орудия, а значит и к уменьшению материала для его производства, и повлияла на его форму, сделав его более рациональной. По всей видимости, наиболее ранними ножами являются крупные, длиной до 25-30 см, экземпляры. Редкость и большая ценность металла в раннем бронзовом веке Прибайкалья, вероятно, вызвала к жизни стремление найти им альтернативу в виде других ножей. Не исключено, что ножи из шаманских захоронений как раз и отражают результат процесса эволюции режущего орудия.

Третий нож имеет недостаточную степень сохранности, поэтому достоверно реконструировать его форму не удалось. Однако следует заметить, что его размеры незначительны для листовидного ножа. А.П.Окладниковым среди обнаруженных в могилах глазковского этапа металлических ножей выделена группа миниатюрных ножиц. Особенно близкие размеры у шаманского ножа обнаруживаются с ножом из погребения № 3 (1950 г.) Фофановского могильника (Окладников, 1955: рис. 12 - 4). У обоих ножей отмечается двухсторонняя заточка, их рабочие стороны расположены в пространстве двумя пересекающимися прямыми.

Судя по многочисленным находкам в приангарских и ленских погребениях ранние бронзовые ножи крепились к роговой или деревянной рукояти под тупым углом. Вполне вероятно, что шаманские ножи не являются исключением - у ножа из погребения 3 отмечены следы древесной трухи на лезвии ножа. Характер их расположения на плоскости ножа говорит о размещении волокон дерева под некоторым углом к плоскости лезвия.

Рыболовные крючки являются одними из самых распространенных орудий из металла в бронзовом веке Прибайкалья. Три обнаруженных в могилах 2 и 9 крючка имеют плохую сохранность, однако по своим размерам практически ничем не отличаются от остальных синхронных им крючков. Практически полностью идентичны шаманским крючкам изделия из могилы 8 Фофановского могильника (раскопки 1959 г.) погребения № 1 Ленковки и № 8 Усть-Уды (Герасимов, Черных, 1975; Окладников, 1955: рис. 16 - 5; рис. 35-2-4).

Кольца. На могильнике Шаманка II обнаружено два типа медных колец с несомкнутыми концами: с утолщающимися концами; с одинаковой толщиной по всей длине. Первый тип колец найден в количестве двух экземпляров в могиле 9. Диаметр колец 5,6 см, толщина средней части 0,2 см, толщина концов 0,4-0,5 см. Второй тип колец представлен целым кольцом, диаметром 4,3 см и толщиной 0,2 см, и фрагментом такого же кольца из погребения 3.

Медные кольца наряду с листовидными ножами, рыболовными крючками и иглами являются самыми распространенными металлическими артефактами из захоронений бронзового века Прибайкалья. Два таких кольца обнаружено в «сидячих» погребениях могильника Шумилиха. Они изготовлены способомковки, в сечении четырехгранные (толщина 0,4 см). Диаметр колец 3,5 и 3,3 см. Малый размер колец позволяет констатировать, что кольца служили в качестве украшений головного убора или одежды (Горюнова, Смотров, 1981: 23; рис. 34 - 3; рис. 45 - 3). В погребении № 18 Серовского могильника на Ангаре при раскопках 1957 г. были зафиксированы 4 бронзовых кольца. Два из них можно отнести к первому типу, два других - ко второму (Окладников, 1976: табл. 97-2).

Бронзовые кольца второго типа обнаружены в относящихся к XVIII-XIII вв. погребениях окуневской культуры Минусинской котловины (Вадецкая, 1986: 36, табл. III - 9); в захоронениях андроновской культуры на территории Барабы, где датируются XIII-IX вв. (Молодин, 1985: рис. 54 - 1); в захоронениях карасукской культуры (Вадецкая, 1986: табл. Va - 8; табл. V6 - 10), относимых Э.Б.Вадечкой к XI-VIII вв. до н.э. (Вадецкая, 1986: 65).

Бляшки найдены в двух захоронениях. Среди них выделяется 3 типа: круглые, овальные, четырехугольные. У всех бляшек с противоположных краев имеется два отверстия. По бокам бляшек наблюдается двойной ряд точечной чеканки. Толщина бляшек составляет около 1 мм. Диаметр круглой бляшки, найденной в захоронении 2 - 3 см. Размер двух овальных бляшек из погребения 2 и одной из захоронения 9 - 2,3-2,4 x 2,9-3,2 см. Близка к овальным бляшкам по своим пропорциям еще одна бляшка из могилы 9, ее размеры 2,3 x 2,8 см. Четырехугольная бляшка найдена только в захоронении 9. ее углы закруглены, размеры 2,4 x 3,0 см.

Прямые аналогии бляшек из погребений Шаманки II в Прибайкалье отсутствуют, но сходные по форме, размерам, способу крепления и оформлению точечной чеканкой бляшки известны по материалам могильников эпохи бронзы Южной Сибири. Круглые бляшки с краевой чеканкой и без нее отмечены в захоронениях андроновской культуры Минусинской котловины (Вадецкая, 1986: табл. IV - 3; Максименков, 1978: табл. LII - 10), относящихся к XIII-XI вв. (Вадецкая, 1986: 36). Бляшки круглой формы диаметром 3 - 5 см встречаются в раннеангарских могильниках (Николаев, 1983, 1983: рис. 3 - 4.5; рис. 5 - 1, 2, 4, 5, 16, 23-25, 27; Подольский, 1983:

рис. 5 - 5, 7-10; Вадецкая, 1986: табл. VIa - 9; табл. VIб - 7). Однако на бляшках западносибирских образцов, в отличие от южнобайкальских находок, фиксируется только один ряд точечной чеканки по ободку или чеканка отсутствует вообще.

Находки медных или бронзовых бляшек в андроновских погребениях единичны. Значительное их количество зафиксировано в комплексах, относимых к карасукской культурной общности. По всей видимости, они предшествуют полусферическим бляшкам-пуговицам (Членова, 1972), широко распространяющимся в конце II - начале I тысячелетий до нашей эры. На территории Прибайкалья наиболее ранние бляшки-пуговицы отмечены в погребении № 5 могильника Локомотив. Радиоуглеродная дата, полученная по этому погребению - 3445 ± 75 (СОАН-5168), позволяет датировать их появление в Предбайкалье второй четвертью II тыс. до н.э.

Лапчатая подвеска ни по форме, ни по стилю исполнения не находит аналогов на юге Восточной Сибири. Подвеска четырехугольной формы размером 1,8 x 4 см, с выгнутой наружу верхней стороной, заканчивающейся небольшим выступом. Подвеска слегка расширяется книзу. На нижней стороне подвески имеется шесть зубцов. В ее центральной части находится отверстие диаметром 0,1 см. В погребениях карасукской и ирменской культур повсеместно встречаются лапчатые подвески, но их сходство с подвеской из Шаманки II ограничивается лишь линейными размерами. В сооружении X Устинковского могильника (северо-запад Хакасии), датирующегося IX-VII вв. до н.э., обнаружена лапчатая подвеска, имеющая три зубца на нижней стороне и по два зубца на боковых сторонах (Савинов, Бобров, 1983: рис. 24 - 4). Похожие подвески с тремя или четырьмя зубцами с нижней стороны обнаружены и в других памятниках карасукской культуры (Вадецкая, 1986: табл. Va - 12; табл. Vб - 5).

Куски бронзы из могилы 9 представляют собой 2 фрагмента изделия, имеющего пластинчатую форму и, возможно, являвшегося металлическим сосудом, о чем свидетельствует форма и размеры кусков. Размеры одного из них 2 x 1,5 см при толщине 0,8 см, другого - 3 x 1,5 см при толщине 0,5 см. Края фрагментов неровные, они выглядят как обломанные. У одного из обломков ярко выражен угол, напоминающий поддон. В погребении № 1 Ленковки были обнаружены «четыре фрагмента металлического изделия, больше всего напоминающие обломки тонкостенной чаши или котла» (Окладников, 1955: 42). По своей толщине они несколько отличаются от шаманских. Фиксация в захоронениях подобных металлических находок позволяет поставить вопрос о появлении традиции изготовления и употребления металлической посуды в конце II - I тысячелетиях до н.э. Ранее наиболее древней посудой из металла на территории Прибайкалья считались котлы скифского времени.

Костяные изделия. Рассматриваемая категория предметов представлена гарпунами (мог. 2, 5, 9), кос-

тяными наконечниками стрелы (мог. 2 и 3), шестью подвесками из клыков марала (мог. 2), острием из клыка кабана (мог. 9), массивным роговым остроконечником (копье?) (мог. 9), острием из кости крупного животного (мог. 9), "ложкой" из рога (мог. 9). Гарпуны в количестве 7 экз. были найдены в трех погребениях - 2 (1 экз.), 5 (4 экз.), 9 (2 экз.). Длина гарпунов различна - она колеблется от 13,9 до 22,6 см. При этом можно отметить, что у пяти гарпунов длина приближается к верхнему пределу.

Шесть из них - с двумя рядами асимметрично расположенных шипов. По оформлению стопор-линя гарпуны можно разбить на три группы. К первой группе относятся орудия из могил 5 и 9. Стопор-линь выполнен в виде одного (2 экз.) (рис. 7-7, 4) или двух симметрично расположенных (2 экз.) выступов перпендикулярно изделию с края, обращенного к шипам (рис. 7-3, 9-7), и покатой, постепенно переходящей в насад пяткой. Насад в двух случаях приостренный, округлый в сечении, у двух остальных - уплощенный, имеет подпрямоугольную в плане и сечении форму. Вторую группу гарпунов составляют изделия (2 экз.) из погребений 2 и 9. Стопор-линь этих изделий оформлен в виде двух прямоугольных выступов. Насад в сечении подпрямоугольный (рис. 4-18, 9-8). У гарпуна из могилы 9 конец насада приострен, тогда как у изделия из могилы № 2 он имеет прямоугольную форму. Гарпун из погребения 5 отличается от двух охарактеризованных выше групп (рис. 7-2). Во-первых, он имеет одностороннее расположение шипов. Во-вторых, основной чертой, отличающей его от гарпунов первой группы, является более резко оформленный стопор-линь. Пятка переходит в насад не плавно, а образует четко выраженный угол. Насад этого гарпуна округлый в сечении, но не приострен. А.П. Окладников, рассматривая гарпуны из глазковских погребений, разделял их на две группы - большие и малые, причем такое деление по размерам он полагал соответствующим и типологическим особенностям формы гарпунов каждой группы (Окладников, 1955.).

Описанные группы гарпунов по размерам, количеству и характеру размещения зубцов имеют широкие аналогии в погребальном инвентаре захоронений бронзового века Прибайкалья (Окладников, 1955: рис. 23; рис. 24). Локальных особенностей в распространении не отмечено.

Костяные наконечники стрел, по мнению А.П. Окладникова, являются «новыми, характерно глазковскими, ранее совсем неизвестными» (Окладников, 1955: 64). Таким образом, данные наконечники можно датировать бронзовым веком в целом.

Острие оформлено частичным расщеплением клыка кабана. Острия из клыков кабана были обнаружены в погребении 4 Верхолесного могильника. Они имеют сквозные отверстия в основании и укороченную конфигурацию

(Окладников, 1978). Могильник датирован эпохой бронзы.

Массивный остроконечник из рога имеет два боковых выступа, расположенных по одной стороне, и уплощенный насад прямоугольных очертаний. Его длина составляет 24,6 см, ширина до 2,6 см. Аналогии изделию на территории Прибайкалья известны из захоронения № 2 (раскопки 1972 г.) Шаманского мыса (Бурхан) на о. Ольхон, где обнаружено сходное оружие, но с одним боковым выступом-шипом (Конопацкий, 1982), и могилы № 6 могильника Новый Качуг-Звездочка (Окладников, 1955). В последнем случае сходство усиливается уплощенным насадом. А.П.Окладников идентифицировал подобные предметы как наконечники копий (Окладников, 1955: 74).

Острие из погребения 9 выполнено на грифельной кости животного. Длина 23 см. Подобные острия встречаются в широком культурно-хронологическом диапазоне, начиная с раннего неолита.

Роговое изделие в виде "ложки" имеет плоский удлинённый резервуар и слегка закругленные бортики. Резервуар плавно переходит в рукоять, по краям которой с обратной стороны нанесены 5 и 7 насечек. Два схожих изделия были найдены в погребении № 2 (раскопки 1972 г.) Шаманского мыса (Бурхан) (Конопацкий, 1982). В отличие от вышеописанного предмета нижний край резервуара оформлен зубчиками. По погребению № 2 Шаманского мыса (Бурхан) имеется радиоуглеродная дата - 4140±50 (ГИН-4099) (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

Каменный инвентарь. В данную категорию включены наконечники стрел (мог. 2 и 3), вкладыш в ая пластина (мог. 3), кремневый бифас (мог. 2), перламутровые бусины (мог. 2 и 3), скребок (мог. 5), 2 нефритовых тесла (мог. 5), кальцитовое кольцо (мог. 5), отбойник (мог. 5), отщепы (мог. 5)!

Каменные наконечники стрел, входящие в состав погребального инвентаря, представлены 31 экз. в могилах 2-15 экз., 3 - 3 экз., 5 - 5 экз., 9 - 8 экз. Три каменных наконечника зафиксированы в костях погребенных в захоронениях 2, 3 и 5. Обращает на себя внимание субстрат изделий. В группе наконечников, зафиксированных рядом с левой бедренной костью погребенной, определены разные материалы. Зависимости типологической формы наконечника от материала изготовления не отмечено. Несмотря на морфологическое разнообразие, каменные наконечники стрел из погребений могильника Шаманка II не отличаются от наконечников, относящихся к эпохе бронзы.

Вкладышевая пластина и кремневый скребок, зафиксированные позади черепов погребенных в могилах 3 и 5, уникальностью не отличаются.

Бифасиальное изделие из могилы 2, по всей видимости, оружием не является. По сути дела это заготовка кремневого ножа. В длину заготовка достигает 5,9 см. После крупных сколов, определивших форму изделия, мелкая вторичная ретушь практически не отмечается. Несмотря на это следует отметить, что в погребениях бронзового века

близкие рассматриваемому бифасу изделия встречаются довольно часто - погребения № 1 Ицугун, № 1 Ленковка, № 4 Нохой (Окладников, 1955: рис. 25-1-4).

Перламутровые бусины были обнаружены в районе черепов, погребенных в могилах 2, 3, 5 и 9. Их месторасположение и общее количество в могилах (9,45,117 и 19) свидетельствует, по всей видимости, об их использовании для украшения головного убора или капюшона, который не сохранился. Фиксация их с разных сторон относительно черепа (бусины отмечены даже под ним) позволяет предположить, что они были нашиты на все стороны покрывающего голову элемента одежды. В погребении 5 отмечено расположение бусин тремя рядами на берестяной основе. В могиле 9 две бусины обнаружены в районе тазовых костей умершего. Происхождение перламутровых бусин А.П.Окладников связывал с торговыми контактами населения Прибайкалья. Он предполагал, что подобные связи обеспечивали прибайкальское население продуктами моря в финальном неолите - бронзовом веке (Окладников, 1955). Изделия из раковин морских моллюсков встречаются и в предметном комплексе китойских захоронений (Горюнова, 2002), что на первый взгляд значительно затрудняет определение хронологического возраста комплексов. Однако, учитывая обнаружение в едином комплексе перламутровых бусин и металлических предметов, можно датировать могилы 2 и 3 бронзовым веком.

Нефритовые тесла изготовлены из темно-зеленого материала. Их размеры несколько различны. Длина одного 7,7 см при ширине рабочего края 5,3 см (рис. 7-8). Размеры второго 7,4х5,8 см (рис. 7-14). Обнаружены они рядом друг с другом и, видимо, входили в один набор орудий. В погребальных комплексах Прибайкалья к настоящему времени известно большое количество нефритовых тесел и топоров. Эта база данных постоянно дополняется. Типология тесел из нефрита не разработана, корреляция фактического материала не проводилась, поэтому остается лишь констатировать, что нефритовые тесла являются присущими эпохе бронзы Прибайкалья рубящими орудиями.

Кальцитовое кольцо имеет диаметр 2,6 см. В центре есть отверстие диаметром 0,2 см. Кольцо обнаружено возле левой кисти погребенного. Следует заметить, что практически во всех могилах бронзового века в районе кисти отмечается округлое изделие из металла или камня. Каменные кольца не являются редкостью в древних погребениях Прибайкалья. Материал их различен - нефрит, мрамор, кальцит.

Отбойник из овальной в плане гальке, как и отщепы, снятые с гальки, маловыразительны. В погребении они встречены вместе с другими предметами в скоплении возле ног погребенного.

Таким образом, большая часть предметного комплекса захоронений могильника Шаманка II имеет значительные культурно-хронологические рамки существования, что существенно затрудняет попытки

провести датировку и культурную привязку. Перечень предметов, имеющих неповторимый облик и сравнительно узкие временные рамки включения их в состав сопроводительного инвентаря, ограничивается несколькими наименованиями. В первую очередь это изделия из металла. Во-вторых, это костяные спицеобразные острия, накладки на лук и наконечник из могилы 4.

Характеристика погребального обряда

Китойские погребения. У погребений раннего неолита могильника Шаманка II можно выделить следующие характерные черты.

Надмогильной конструкции над китойскими могилами не отмечено. Лишь в захоронении 4 на одном уровне с перекрывающим его погребением бронзового века 3 зафиксирована выкладка из камней и галек. Однако по характеру кладки, параметрам составляющих ее элементов следует заключить, что она была сложена гораздо позднее. Видимо, при сооружении позднего захоронения населением была выложена кладка и над китойским погребением, которое, возможно, было нарушено в это время. В верхней части ямы китойских погребений 4 и 7 был помещен крупный галечный валун, игравший, вероятно, какую-то роль в погребальном ритуале. Следов воздействия огня или продуктов горения не отмечается.

Погребение совершалось в яму овальной формы. Ориентировка и размер могильной ямы, очевидно, определялись заранее. Ориентировка ям довольно устойчивая - по линии ССВ - ЮЮЗ. Линейные параметры ям различны, вполне возможно, что величина ям зависела от предназначения для нее индивидов. В этой связи можно выделить могилу 6, где останки погребенного размещались вдоль правой, северо-западной стенки ямы. Левая часть могильной ямы, таким образом, осталась незаполненной. Однако как раз на левой стороне обнаружены малая берцовая кость и позвонок другого индивида. Не исключена возможность того, что предполагалось совершить двойное захоронение, но изменение обстоятельств привело к захоронению одного человека и отдельных частей второго.

Дно и нижняя часть стенок могильной ямы в китойских захоронениях окрашены органическим красителем - охрой. Интенсивность окраски различна. В могиле 7 отдельные скопления охры отмечены в верхней части ямы.

Трупомещение в китойских могилах устойчивое - вытянуто на спине. Ориентация верхней части корпуса на северо-северо-восток. Положение рук при этом различно. В погребении 6 у молодого мужчiny они были скрещены над правым бедром, в захоронении 7 у взрослой женщины местонахождение рук различно - правая вытянута вдоль корпуса, левая - над правым плечом. Вероятно, в погребении 7 голова умершей первоначально покоилась на какой-то подставке из органического материала, не сохранившегося до настоящего времени. Об этом

свидетельствует сильно искривленный шейный отдел позвоночника.

Подход к размещению сопроводительного инвентаря различен. В нарушенном погребении 4 материал зафиксирован между ног погребенного, в могиле 7 предметы находились вдоль левого, юго-восточного края ямы. Погребение 6 можно назвать фактически безынвентарным, но нельзя исключать возможности того, что сопроводительный комплекс был расположен в районе ног умершего и позднее был снесен в обрыв. Различия в отношении размещения сопроводительного инвентаря могут быть связаны с хронологическими причинами, особенностями погребенных индивидуумов и т.д.

Погребения эпохи бронзы. Из четырех погребений бронзового века Шаманки II два оказались потревожены еще в древности, однако могилы 2 и 3 сохранились в целости, что является большой редкостью для синхронных им захоронений байкальского побережья. Отмеченный в них погребальный ритуал характеризуется следующими чертами. Над погребением сооружалась надмогильная кладка из камней, следы которой отмечены во всех без исключения захоронениях. В большинстве случаев форма кладки в плане овальная, длинной осью вытянута по линии север-юг. Во всех могильных ямах зафиксированы внутримогильные конструкции из камней и галечных валунов, прослеживаемые до уровня расположения костяка.

Во всех могилах захоронено по одному индивидууму. В ямах эллипсовидной формы, глубиной около 0,5 м умершие были уложены на спину, в вытянутом положении, руки расположены вдоль туловища. Головой ориентированы на север, вверх по склону. Над грудыми и отделами позвоночного столба, на уровне камней внутримогильного заполнения отмечены зольные линзы в погребениях 2 и 3. В могилах 5 и 9 следы огня зафиксированы по всей площади, причем в погребении 5 угли сохранили конфигурацию поленьев, которые располагались поперек могильной ямы.

Отдельно следует отметить наличие бересты в погребениях 2, 5 и 9. В первом случае ее фрагменты обнаружены как над костяком, так и под ним. В других могилах фрагменты бересты зафиксированы поверх погребенных. Возможно, перед погребением умерший помещался в берестяной пакет.

Другой особенностью захоронений бронзового века могильника Шаманка II является то, что все погребенные в могилах индивидуумы подверглись насильственной смерти. Об этом свидетельствуют каменные и костяные наконечники стрел, обнаруженные как в отдельных костях скелета, так и в довольно беспорядочном положении среди человеческих останков. В последнем случае с большой долей вероятности можно предположить, что они находились в мягких тканях умерших. В местах повреждения костной ткани наконечниками раны не успели затянуться, что может указывать на незначительный отрезок времени между нанесением

ранений и смертью индивида. В бронзовом веке Прибайкалья уже было отмечено несколько случаев расположения наконечников стрел в костях погребенных (Окладников, 1955; 1978). В погребении № 1 Верхней Бурети (Буреть III) в тазовой кости женского костяка обнаружен кремневый наконечник стрелы, в погребении № 3 Бурети I в правой лопатке и нескольких ребрах застряли кремневые наконечники стрел и ли следы от них, череп погребенного имел след удара тупым предметом по темени (Окладников, 1974: 115, 120). В могиле № 25 Верхоленского могильника в левой плечевой кости найден вонзившимся кремневый наконечник стрелы, в этой же кости отмечен след от удара другого наконечника. В могиле № 36 в тазовой кости зафиксирован костяной наконечник стрелы, еще несколько разных по материалу наконечников отмечены среди костей скелета вне какого-либо порядка (Окладников, 1978: 98-99). Исследователь интерпретировал подобную ситуацию при рассмотрении общественных отношений в глазковское время. По мнению А.П.Окладникова, травмы, фиксируемые на костных останках, «свидетельствуют о межродовых столкновениях или ритуальном умерщвлении людей» (Окладников, 1978: 99). При этом по своему обряду погребения с убитыми людьми от остальных захоронений существенно не отличаются. Характер ранений у захороненных людей на Шаманке II совпадает с травмами погребенных на Верхоленском могильнике. К сожалению, как на самом Шаманском мысу, так и на побережье акватории Южного Байкала до сих пор неизвестны другие могильники бронзового века. Вследствие этого отсутствует возможность провести корреляцию синхронных погребений для выяснения девиантности. Поэтому вопрос о специфическом обряде захоронения индивидов со следами умерщвления остается открытым.

Обсуждение

Захоронения 2, 3, 5 и 9 могильника Шаманка II относятся к одной культурно-хронологической группе. На территории Прибайкалья наиболее близким им по погребальному ритуалу является погребение № 1 могильника Шумилиха. Могильная яма этого захоронения овальной формы, ее ориентировка меридиональная. Линейные размеры - 1,7 x 0,55 м при глубине 0,31 м. В захоронении погребена женщина старческого возраста. Она располагалась вытянуто, на спине, правая рука слегка согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях. Верхней частью корпуса костяк направлен точно на север. Грудная клетка, таз и нижние конечности были обернуты в бересту. Сопроводительный инвентарь включал три кремневых отщепов и керамический сосуд (Савельев и др., 1981: 7).

Среди элементов погребального ритуала, учитывая которые шаманские и шумилихинское погребения можно объединить в одну группу, выделяются следующие: труположение,

ориентировка, использование бересты для обертки. Вне всякого сомнения, предлагаемое объединение имеет свои трудности. В их числе разный подход населения к использованию огня в погребальном обряде. В шаманских погребениях отмечены угольные линзы выше верхней части тела погребенных, чего не обнаружено в шумилихинском захоронении. Хотя наличие угольных линз не всегда является свидетельством особенностей ритуала, а может восприниматься как остаток действий, направленных на прогрев земли в зимний сезон для облегчения копк и ямы.

Погребальный инвентарь шумилихинского захоронения не столь разнообразен, как могил бронзового века Шаманки II. Сосуд из погребения № 1 Шумилихи, орнаментированный в верхней части туловища пальцевыми защипами, обнаруживает аналогии в погребении № 2 могильника Хадарта IV. По данным радиоуглеродного датирования захоронение относится к 2400-1900 гг. до н.э. (Харинский, Сосновская, 2001). В стояночных комплексах подобная керамика также встречена в слое 1 (Б) верхнем Улан-Хады (Грязнов, Комарова, 1992: рис. 26-12; Горюнова, 1996: рис. 4-2, 5,6). С использованием методов естественных наук слой датирован 2400-1900 гг. до н.э. (Харинский, Сосновская, 2001: 81). По костям человека из шумилихинского захоронения получена дата 3900±40 л.н. (ГИН-4125), которая с учетом калибровки соответствует 2470 - 2210 гг. до н.э. Возраст бронзового могильника Шаманки II (узкие рамки) определяется серединой XXIII — началом XIX вв. до н.э., что свидетельствует об их хронологической близости к шумилихинскому погребению. Считаем возможным объединить погребения бронзового века могильника Шаманка II и захоронения № 1 могильника Шумилиха в одну группу и предварительно присвоить ей наименование южнобайкальской.

Попытки систематизации и группировки захоронений бронзового века Прибайкалья уже предпринимались исследователями. Одной из последних работ в этом направлении является культурно-хронологическая схема О.И.Горюновой. Для периода XV-VIII вв. до н.э. ей выделены следующие группы погребений: шумилихинская, мухорская, шиверская и фофановская (Горюнова, 1996). При этом, в число мухорских захоронений попало две могилы - погребение № 1 Шумилихи и погребение № 13 могильника Улярба. Как и по шумилихинскому захоронению, по костям погребенных в могиле № 13 имеется радиоуглеродная дата 3890±40 л.н. (ГИН-4475) (Горюнова, 2002), что с учетом калибровки соответствует 2470-2200 г. до н.э. Следовательно оба захоронения, включенные О.И.Горюновой в мухорскую группу, были сооружены во второй половине III тыс. до н.э., но никак не в диапазоне XV-VIII вв. до н.э.

Отмеченное для мухорской группы погребений несоответствие хронологическое сопровождается несоответствием типологическим. В погребении № 13

могильника У л я р б а обнаружено парное захоронение под кладкой кольцевой формы диаметром 5 м. Трупомещение на спине с согнутыми в коленях ногами. Ориентация погребенных головой на восток и юго-восток. У м е р ш и е были помещены в берестяные чехлы. В погребальном ритуале использовалась охра, отдельные пятна которой зафиксированы на обоих костях (Новиков, 1999). На наш взгляд, объединение шумилихинского и улярбинских захоронений в одну группу невозможно, так как их погребальный обряд существенно отличается. У шумилихинского захоронения какой-либо надмогильной конструкции не зафиксировано, в то время как над улярбинской могилой отмечена кольцевая, округлой формы кладка, выложенная в несколько слоев. Различия наблюдаются и в трупомещении погребенных: в шумилихинской могиле умершая располагалась вытянуто, на спине, головой на север, на могильнике У л я р б а оба умерших находились на спине, с согнутыми в коленях ногами, головами ориентированы на восток и юго-восток. По сути дела сходство между погребальными ритуалами, отмеченными в разных могильниках, исчерпывается использованием бересты для создания внутримогильной конструкции и примерно о д н и м временем сооружения погребальных комплексов. Следовательно, объединение в рамках одной культурно-хронологической группы двух совершенно разных могил неправомерно, как и не правомерна их датировка поздним бронзовым веком. Погребения, относимые О.И.Горюновой к мухорской группе, следует характеризовать как свидетельства разных культурно-территориальных объединений. И если сохранять термин «мухорская группа погребений», то его уместней соотносить с захоронениями могильника Улярба, чем с шумилихинской могилой. Хотя с другой стороны, выделять группу погребений по одной могиле не корректно и в этом случае понятие «мухорская группа погребений» б у д е т иметь смысл, если б у д у т о б н а р у ж е н ы захоронения, напоминающие по погребальному ритуалу у л я р б и н с к у ю могилу №13. В настоящее время погребальный ритуал, отмеченный в улярбинской могиле № 13, можно считать о т к л о н е н и е м от преобладавших в середине III-середины II тыс. до н.э. в Приольхонье саган-нугэйских погребальных традиций (Харинский, Сосновская, 2000). По всей видимости, нестандартность улярбинского ритуала связана с проникновением в Приольхонье представителей других культурных традиций. При этом указанное проникновение носило локальный характер и не повлияло на общий культурный облик населения западного побережья Байкала, в том числе и на его погребальный ритуал. При рассмотрении направления этого влияния, следует, прежде всего, обратиться к материалам Фофановского могильника. Среди многочисленных захоронений, раскопанных на нем, выделяется две группы погребений, относящихся к эпохе палеометалла. Третья группа погребений имеет устойчивое трупомещение на спине с подогнутыми ногами, головой на северо-восток-юго-восток. А в т о р ы

раскопок предположили на основании стратиграфических наблюдений позднюю датировку относительно могил второй группы. О д н а к о насколько позднюю, до конца осталось невыясненным. Естественно-научные методы в определении возраста захоронений не использовались. Возможно, эта группа погребений Фофановского могильника и улярбинское захоронение являются развитием одной погребально-поминальной традиции.

Вторая группа погребений Фофановского могильника (Герасимов, Черных, 1975) характеризуется расположением умерших на спине вытянуто, головой на восток, юго-восток. С х о ж и й погребальный обряд известен в позднем бронзовом - раннем железном веке на территории Приольхонья. За ним закрепилось название бутухейский (Горюнова, 1993; Харинский, Сосновская, 2000; Туркин, Багдугев, 2000; Туркин, 2003; 2003 а). Погребенные в бутухейских захоронениях располагались вытянуто, на спине, головой преимущественно на юго-восток, хотя встречается и северо-западная ориентировка. Над могилой сооружалась плоская каменная кладка кольцевой формы. Схожесть погребального ритуала бутухейских захоронений Приольхонья с «глазковскими» погребениями Фофановского могильника позволяет рассматривать два погребальных комплекса, расположенных на противоположных берегах Байкала, как развитие одной культурной традиции.

Предварительно процесс формирования бутухейского погребального ритуала в Прибайкалье можно представить в виде трех этапов. На первом из них происходит формирование бутухейских погребальных традиций. Во многом начальные стадии этого этапа к настоящему времени продолжают оставаться неисследованными. О его же завершении можно судить по материалам Фофановского могильника. Выделенные на могильнике захоронения второй группы (Герасимов, Черных, 1975) более правомерно следовало бы считать бутухейскими или протобутухейскими. Почти все они (27 из 28) ограблены в древности. В 14 случаях есть свидетельства того, что погребенные располагались вытянуто на спине. Единственная неразграбленная могила 36 содержала скорченный скелет на спине. В остальных 13 случаях установить положение погребенных невозможно. Все погребенные ориентированы головой на восток или юго-восток. М.М.Герасимов и Е.П.Черных считают вторую группу фофановских погребений синхронной глазковским и, по-видимому, целиком относятся ко второй половине II тыс. до н.э. или даже к началу I тыс. до н.э. (Герасимов, Черных, 1975). Имеющиеся абсолютные даты - мог. 27 3670±40 (ГИН-4473), мог. 36 3740±50 (ГИН-4474), мог. 25 3890±50 (ГИН-4485), мог. 10 4100±Ю0 (ГИН-4803), позволяют уточнить возраст бутухейских погребений Фофанова и определить время их существования серединой III тыс. до н.э. - серединой II тыс. до н.э. (Мамонова, Сулержицкий, 1989). По-видимому, эту группу следует дополнить

погребениями, раскопанными А.П.Окладниковым в 1948, 1950 гг. (Окладников, 1948; Окладников, 1950а).

Таким образом, во второй половине III - начале II тыс. до н.э. в южной части Прибайкалья формируется три культурных района, население которых прежде всего различается по особенностям погребального ритуала. Первый из них располагался в Приольхонье и характеризовался захоронениями саган-нугэйского типа. Второй охватывал южное побережье Байкала и верховья Ангары и представлен захоронениями южнобайкальского типа. Третий занимал низовья Селенги и известен по захоронениям бутухейского типа (Фофаново). Контакты, происходившие между обитателями трех районов, приводили к заимствованию и взаимопроникновению некоторых элементов культуры. Вероятно, свидетельством таких культурных связей и является захоронение № 13 могильника Улярба. Его погребальный обряд можно определить как переходный между погребальными обрядами саган-нугэйской группы захоронений и бутухейскими погребениями. Среди элементов погребального обряда, которые можно определить как бутухейские, следует выделить форму надмогильной кладки и ориентировку погребенных головой на юго-восток (Туркин, 2003).

На втором этапе начинается миграция бутухейцев на западный берег Байкала. К числу наиболее ранних захоронений, в которых фиксируется новый для Предбайкалья обряд, относится погребение № 5 могильника Локомотив (Базалийский, 1990: табл. 32; Туркин, 2003). Радиоуглеродная дата, полученная по погребению - 3445 ± 75 л.н. (СОАН-5168), позволяет соотнести время его сооружения с учетом калибровки с 1940 - 1530 гг. до н.э. Учитывая культурно-историческую обстановку на территории Прибайкалья во II тыс. до н.э., на наш взгляд, более правомерным было бы определить время проникновений первых бутухейцев на западный берег Байкала второй четвертью II тыс. до н.э. Закрепление бутухейского погребального обряда в Предбайкалье относится к более позднему времени, когда бутухейская традиция становится преобладающей в погребальной практике населения Предбайкалья. На территории Приольхонья бутухейский погребальный обряд закрепляется с XIV - XIII вв. до н.э. Плоская форма кладок и ориентировка некоторых погребенных головой на северо-запад свидетельствует о том, что процесс аккультурации бутухейцев в Приольхонье растянулся на длительный период и характеризовался смешением двух культурных традиций местной (саган-нугэйской) и пришлой (бутухейской).

О времени распространения бутухейских погребений на южном побережье Байкала пока нет сведений. Единственное бутухейское погребение, раскопанное в этом районе, найдено вблизи деревни Степные Дворцы. В грунтовой захоронении обнаружены останки женщины, уложенной вытянуто на спине, головой на юго-восток. Над головой погребенной располагался глиняный круглодонный

сосуд. Его верхняя часть украшена наклепными валиками. По бокам горловины располагается два вертикальных ушка с дырочками (Спасский, 1992: рис. 94 2; рис. 98 - 9). Если предположить, что расселение бутухейцев на южном побережье Байкала сопровождалось ассимиляцией или вытеснением местного населения - носителей южнобайкальских погребальных традиций, то середина II тыс. до н.э., как раз и будет тем периодом, когда эти процессы начали набирать силу. Следуя в фарватере генезиса культурных сообществ байкальского побережья, можно констатировать, что исходя из имеющихся в настоящее время данных, южнобайкальский погребальный обряд существовал на территории Прибайкалья с середины III тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. После чего ему на смену пришла бутухейская погребальная традиция.

Третий этап формирования бутухейского погребального ритуала характеризуется его распространением в первой половине I тыс. до н.э. на большей территории Предбайкалья. В его ареал включаются Южное Приангарье (Луньков и др., 1996), северо-восточное и северо-западное побережье Байкала (Черемисин, Горюнова, 1990; Горюнова, Новиков, 1997; Шмыгун и др., 1981; Лыхин, 2003; Харинский, 2001: 62, 63; Харинский, 2003). В это время на побережье Байкала формируется единая историко-культурная область, у населения которой в результате тесного взаимодействия на протяжении значительного исторического периода сложились схожие культурные традиции. Безусловно, о полной идентичности различных районов байкальского побережья в это время говорить невозможно. Геоморфолого-ландшафтные особенности разных районов байкальского побережья наложили определенный отпечаток на хозяйственный уклад их населения, что нашло отражение как в материальной, так и в духовной культуре. Особенно значительно эти различия стали проявляться после дифференциации байкальского населения на скотоводов и охотников. Южное побережье Байкала вследствие отсутствия обширных пастбищных угодий продолжало оставаться районом, в котором преобладало население, занимавшееся охотой, собирательством и рыбной ловлей.

Возвращаясь к культурно-хронологической схеме О.И.Горюновой (Горюнова, 1996), разработанной для позднего бронзового века Прибайкалья, отметим, что выделенная в ней мухорская группа погребений в действительности не существует, о чем было сказано выше. Относительно другой группы погребений - шумилихинской, также имеются существенные замечания. В эту группу объединены захоронения, распространенные на территории Южного Приангарья, Верхней Лены и Приольхонья. Характерной чертой погребений данной группы является помещение погребенных в сидячей позе. Среди признаков, позволяющих отнести шумилихинские погребения к IX-VIII вв., О.И.Горюнова выделяет следующие:

1) высокий уровень бронзолитейного производства (состав бронз, техника литья в закрытой форме, наличие втульчатого изделия карасукского типа);

2) присутствие костей домашних животных (бык, коза или баран);

3) стратиграфические наблюдения по трем пересекающимся погребениям разных периодов бронзового века могилы № 5 Улан-Хады I V , где сидячее захоронение располагалось в самом верхнем уровне (Горюнова, 2003).

Химический анализ металлических вещей из могильника Шумилиха, предпринятый Н.Ф.Сергеевой, свидетельствует о местном производстве найденных изделий на базе самородной меди и зон халькозино-барнитового оруднения в медистых песчаниках Иркутского амфитеатра. Игольник из погребения № 36 и «нож» выполнены из оловянистой бронзы (Sn - 1, 5 и 0,91). «Нож» и кольцо-из мышьяковистой меди (As - 1, 1 и 1,0). Остальные изделия изготовлены из «чистой» меди, в том числе и кельт из погребения 37, который анализировался дважды (Сергеева, 1981).

По наиболее раннему шумилихинскому захоронению -№10 имеется дата 4850 ± 70 л.н. (ГИН-4064), а по наиболее позднему, вскрытому в 1986 г., имеется дата 3850 ± 80 л.н. (ГИН-6821) (Фролов, Хамзин, 1987; Бердникова, Ветров, 2000). С учетом калибровки, время существования первого из них соотносится с 3773-3384 гг. до н.э., второе с 2560-2040 гг. до н.э. Судя по этим датам, время сооружения шумилихинских погребений в Южном Приангарье соотносится с 3773-2040 гг. до н.э. Учитывая историко-культурные процессы, протекавшие в Прибайкалье, время существования шумилихинской погребальной традиции можно предварительно определить сер. IV - сер. III тыс. до н.э.

Наиболее древним шумилихинским захоронением, в котором обнаружено металлическое изделие - медная трубочка, является погребение № 32. По нему имеется радиоуглеродная дата 4660 ± 80 л.н. (ГИН-4068), соответствующая с учетом калибровки 3640-3104 гг. до н.э. По костям погребенного из захоронения № 37, в котором найден медный кельт, получена абсолютная дата - 4100 ± 50 л.н. (ГИН-4065) (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Судя по ней, с учетом калибровки, время сооружения захоронения соответствует 2870-2470 гг. до н.э. Если процесс развития технологии производства цветных металлов в Прибайкалье проходит через те же этапы, что и на большей части континента Евразия, то первый этап этого процесса, связанный с появлением первых металлических вещей, можно соотнести со второй половиной IV тыс. до н.э. Сведения о втором этапе металлургии - появления отливок в односторонних формах, пока отсутствуют. Следующий этап, характеризующийся отливками в двухсторонних формах, можно датировать серединой III тыс. до н.э.

Анализируя радиоуглеродные данные по шумилихинским захоронениям, О.И.Горюнова

обращает внимание на большой разброс дат, диапазон которого доходит до 1000 лет. Полученные определения намного удревняют период позднего бронзового века и противоречат данным относительного датирования (Горюнова, 2003:10). На наш взгляд, в хронологических рамках существования шумилихинского погребального ритуала нет ничего настораживающего. Некоторые погребальные ритуалы существовали на территории Прибайкалья и более продолжительное время, соседствуя с другими погребальными традициями. Например, куркутский погребальный ритуал появляется на территории Приольхонья в VIII в. н.э. и встречается до XIX в. (Харинский, 2001: 114-118), то же самое можно отметить и в отношении «китойской», «серовской», «глазковской» и других погребальных традиций. Соотношение шумилихинских погребений с поздним бронзовым веком, на наш взгляд, уже можно отнести к области истории. Судя по их хронологическим рамкам и инвентарю, обнаруженному в захоронениях, шумилихинские погребения следует сопоставлять с ранним бронзовым веком или с его первым этапом - энеолитом. С поздним бронзовым веком на территории Прибайкалья можно сопоставить бутухейские погребения и плиточные могилы (Туркин, 2003; 2003а; Цыбиктаров, 2003). Шумилихинский погребальный обряд не имеет корней на территории Предбайкалья и, вероятно, связан с миграцией какой-то группы населения из Южного Забайкалья и Восточной Монголии. В эпоху позднего неолита - раннего бронзового века в этом регионе был распространен погребальный обряд, характеризующийся помещением умершего в могильную яму в сидячем положении (Окладников, Ларичев, 1969; Дорж, 1971; Волков, 1975; Кириллов, 1979; Новгородова, 1989: 66-69, 78-80). В эпоху раннего металла в Южном Забайкалье и Восточной Монголии выделяется три типа погребений, которые, по мнению А.Д.Цыбиктарова, показывают эволюцию погребальных сооружений от практически не обозначенных на поверхности с сидячими захоронениями к невысоким овальным кладкам курганного типа, а от них к кладкам прямоугольной формы толщиной до 70 см (Цыбиктаров, 2002; Цыбиктаров, 2003: 16). Если соотносить шумилихинские погребения с поздним бронзовым веком, то тогда генезис этих погребений выглядит совершенно оторванным от культурно-исторических реалий, фиксируемых в Прибайкалье в позднем неолите - бронзовом веке. В этом случае становится непонятным, откуда шумилихинцы пришли в Предбайкалье? Если из Южного Забайкалья и Северной Монголии, то где тогда они находились на протяжении развитого бронзового века? На территории Западного Забайкалья в это время были распространены захоронения бутухейского типа, и сидячие погребения там не фиксируются.

Удревнение начала бронзового века в Прибайкалье на основании радиоуглеродного датирования-процесс вполне закономерный,

имеющий общую тенденцию для всей территории Южной Сибири (Ермолова, Марков, 1983; Орлова, 1995; Кирюшин, Г р у ш и н, Тишкин, 2003: 107). С у д я по радиоуглеродным данным с учетом калибровки афанасьевская к у л ь т у р а существовала на территории Минусинской котловины в период с X L - X X X T X вв. до н.э. (Кора-Коте) по X X I X - X X V I I I вв. до н.э. (Летник VI) (Ермолова, Марков, 1983). Окуневские же погребения Минусинской котловины преимущественно соотносятся с III тыс. до н.э. С л е д у я данной хронологии, время появления медных вещей на Юге Сибири следует соотносить с IV тыс. до н.э. (афанасьевское время). Металлические орудия, изготовленные техникой двухстороннего литья, впервые фиксируются в окуневских захоронениях. Среди них отмечены: бронзовое копье с удлинненно-ромбическим пером и втулкой; бронзовый проушный топорик; бронзовый кельт (Вадецкая, 1986: 30-31). Распространение металлических вещей, отлитых в двухсторонних формах, в Минусинской котловине и Южном Приангарье (Шумилиха - 37) происходит одновременно в III тыс. до н.э., что свидетельствует об о б щ и х тенденциях в развитии цветной металлургии на Ю г е Сибири.

По своим пропорциям шумилихинский кельт не похож на карасукские кельты, а, скорее всего, входит в число кельтов сейминско-турбинского типа. Для них характерен комплекс следующих практически обязательных морфологических черт: а) трапециевидные очертания, г д е лезвие всегда шире (длиннее) втулки; б) в профиле о р у д я асимметричны или же приближаются к форме правильного массивного клинка; в) фаска орудия отчленена от боковых граней сравнительно массивными гребнями - «ребрами жесткости»; г) сечение орудия в средней части шестигранное; д) сечение в т у л к и овальное или приближающееся по форме к прямоугольнику со сглаженными углами; е) массивный валик по венчику втулки, служивший ее механическому укреплению, отсутствует (Черных, Кузьминых, 1989: 38). Среди наиболее близких аналогий шумилихинскому кельту следует отметить кельты разряда К-24 и К-26, обнаруженные в бассейне верхней Оби и на Рудном Алтае (Черных, Кузьминых, 1989: рис. 19). По мнению Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых, сейминско-турбинский феномен сформировался на Алтае, по крайней мере, уже в предшествующее XVI в. столетие. С Алтая сейминско-турбинцы распространились на запад, а уже к XV в. до н.э. сейминско-турбинский феномен практически перестал существовать (Черных, Кузьминых, 1989: 261). Процесс удревнения памятников эпохи бронзы на территории Сибири затрагивает и сейминско-турбинские объекты, что, безусловно, отодвигает нижнюю границу формирования этого феномена к к о н ц у III - началу II тыс. до н.э.

Одним из аргументов, свидетельствующих о позднебронзовом возрасте шумилихинских погребений, О.И.Горюнова считает наличие в захоронениях костей д о м а ш н и х животных. В сидячих

захоронениях Шумилихи имеются вещи из костей, которые Л.Н.Иваньев предположительно относит к домашним животным: изделие из лопатки быка (погребения №№ 22 и 29); подвески, изготовленные из восходящих ветвей нижней челюсти домашней к о з ы или о в ц ы (погребения №№ 22 и 24). Более точное определение видов затруднительно из-за неполноты материала (Иваньев, 1981). Фрагментарность костей животных, использованных для изготовления некоторых вещей, не позволила Л.Н.Иваньеву уверенно говорить о наличии в сидячих захоронениях останков домашних животных, что, вероятно, не следует делать и нам. Обнаруженный в сидячем погребении № 14 могильника Шумилиха нижний зуб лошади имеет неопределенное происхождение, установить его точное стратиграфическое положение и принадлежность к захоронению не удалось (Горюнова, Смотров, 1981). Устойчивое закрепление скотоводческого типа хозяйства на западном берегу Байкала относится к концу II - началу I тыс. до н.э., когда в Приольхонье, а затем и в других остепненных районах Предбайкалья расселяются носители бутухейских традиций и строители плиточных могил.

Еще один аргумент в пользу отнесения шумилихинских захоронений к позднему бронзовому веку - стратиграфические наблюдения по трем пересекающимся погребениям разных периодов бронзового века могилы № 5 У л а н - Х а д ы I V, тоже выглядит недостаточно убедительным. Для того, чтобы выяснить взаимное расположение погребенных и датировку отдельных погребений приведем описание могилы № 5:

«После зачистки надмогильного сооружения выявилось кольцо неправильной формы, диаметром 3 м. В юго-восточной части его - другое кольцо (малое) неправильной формы, диаметром около двух метров. Причем плиты большого кольца в этом месте были использованы для сооружения малого кольца. Внутренние концы плит малого кольца наклонены внутрь. На глубине 40 см в малом кольце обнаружены угли и обгоревшее дерево. Ниже на г л у б и н е 60-70 см находился скелет женщины 20-30 лет (могила 5а). Сохранился только череп с нижней челюстью и длинные кости. С у д я по и х положению, умершая погребена в скорченном положении. Сидя. Под костями ног скелета (5а) без какого-либо промежутка между ними находились кости ног другого скелета (взрослого, возраст и пол которого определить не удалось). Севернее, на той же глубине найден плохо сохранившийся череп, по-видимому, принадлежавший этому второму скелету.

В целом, от этого скелета сохранились длинные кости обеих ног и череп (могила 5б). С у д я по и х положению, погребенный положен на спину. С согнутыми в коленях ногами. Головой на СЗ. Надо полагать, что после того как труп погребенного (5б) разложился и кости ног упали направо, была погребена женщина (5а), причем труп ее был посажен прямо на кости второго скелета. Под вторым скелетом несколько в стороне на глубине 95-105 см от

поверхности находилось парное погребение м у ж ч и н ы 40-50 лет и ж е н щ и н ы 20-30 лет. Оба скелета лежали на спине, головой на ЮВ. Женщина - в вытянутом положении, кости ног у м у ж ч и н ы согнуты в коленях. На черепе последнего в виде диадемы находилась пластина из клыка кабана. У женского скелета на лобной кости лежали 3 просверленных зуба марала. А под нижней челюстью пластина из клыка кабана, первоначально лежавшая также, вероятно, у нее на л б у . О к о л о левого локтя ж е н щ и н ы находился кусок охры. У левой ноги (около колена) располагались: кремневый наконечник стрелы с черешком и фрагмент еще от одного, 3 призматических пластинки, обработанные ретушью и 2 пластинки без ретуши (могила 5в)» (Комарова, Шер, 1992).

О.И.Горюнова и Л.П.Хлобыстин погребение 5в датирует переходным периодом от неолита к бронзовому в е к у , либо глазковской раннебронзовой культурой. К числу датирующих черт исследователи относят отсутствие засыпки костяков охрой (обязательной чертой китойской культуры), парность захоронения. Вышележащее погребение 5б относится к о д н о м у из периодов бронзового века. Погребение 5а датируется поздним бронзовым веком (карасук-шиверский период) - IX-VIII вв. до н.э. (Горюнова, Хлобыстин, 1992). Предложенная датировка могилы № 5 выглядит недостаточно убедительной. Ни по одному из костяков не получены радиоуглеродные даты. У з к о датируемых вещей в погребении тоже не обнаружено. Поэтому, вполне вероятно, что погребения 5б и 5в, определяемые О.И.Горюновой и Л.П.Хлобыстиным как «бронзовые», следует отнести к более раннему времени - неолиту.

По количеству погребенных неолитические могилы подразделяются на одиночные, парные (двойные) и групповые. Парные погребения представлены в большинстве случаев совместными захоронениями м у ж ч и н и женщин, а все остальные половозрастные комбинации встречаются значительно реже (Базалийский, 1998). Например, в погребении № 2 могильника Хоторук встречено групповое захоронение. А в захоронении № 3 парное погребение (Конопацкий, 1982: 40-41). Трупопомещение вытянутое на спине с согнутыми в коленях ногами очень часто встречается в неолитических захоронениях Приольхонья, при этом фиксируется как ориентировка умерших головой на север, так и на юг (Ку л г а н а , Хоторук, Шаманский мыс, У л а н - Х а д а IV) (Конопацкий, 1982; Горюнова, Хлобыстин, 1992). У левого локтя ж е н щ и н ы из погребения 5в лежал кусок охры, наличие которого подтверждает датировку этого захоронения неолитом. Наличие в погребении 5в украшений из клыков кабана, встречающихся в большинстве погребений во всех регионах, косвенно подтверждает отнесение захоронения к китойскому периоду. У к р а ш е н и я из клыко в кабана обнаружены в китойских захоронениях Приольхонья - Хоторук-4 и Шаманский мыс-3 (1972 г .) (Конопацкий, 1982). На наш взгляд, погребение 5в как и могилы №№ 12, 13, 15 Улан-Хады IV относятся к китойскому этапу

неолита. При этом наибольшее сходство отмечается между погребениями №№ 5в и 15. В обоих погребениях мужчины располагались на спине с согнутыми в коленях ногами, головой ориентированы на юго-восток. В настоящее время в Приольхонье выделяются две группы китойских захоронений. Первая из них представлена могильником Хоторук и могилой 12 Улан-Хады IV. Погребенные в них индивидуумы ориентированы головой в северном направлении. Вторая группа включает захоронения 5а и 15 У л а н - Х а д ы IV, погребение в местности Кулгана и захоронение № 3 (1972 г.) Шаманский мыс. Погребенные в них ориентированы головой в южном направлении. Возможно, эта разница обусловлена культурно-социальными особенностями, а может быть и хронологической локализацией.

Датировка погребения 5б могильника Улан-Хады IV наиболее проблематична. В захоронении отсутствует погребальный инвентарь, костяк сохранился фрагментарно. Вскоре после захоронения над умершим было совершено другое погребение - шумилихинского типа. Временной разрыв между двумя захоронениями был минимальный. Поэтому два погребальных ритуала или стыковались друг с другом или существовали синхронно. Долгое время на территории Приольхонья одновременно сосуществовали две погребальные традиции - серовская и шумилихинская (Харинский, Сосновская, 2000). Серовские погребения в Приольхонье предшествовали шумилихинским. Их кладки кольцевой, овальной (реже округлой) формы, размерами от 2,1 x 3,5 м до 3,7 x 5,0 м. Диаметр округлых кладок 4 - 6 м. Трупоположение - вытянуто на спине. Преобладает ориентация погребенных головой на СЗ-Г. Для погребального обряда характерно наличие берестяного покрытия и остатков «очистительного» костра, разводимого непосредственно в могильной яме на уровне груди и тазовых костей усопших (Горюнова, 1997: 82).

По всей видимости, погребение 5б У л а н - Х а д ы IV следует соотносить с серовскими погребениями Приольхонья. Отмеченный в нем погребальный обряд больше всего сопоставим с ритуалом захоронений могилы № 27 Будуна, где погребенные размещались на боку (на левом - 2, на правом - 1) с согнутыми ногами (Дашибалов, 1987). Видимо первоначально серовец из погребения 5б располагался на правом боку, головой на ССЗ. Разрушение погребения 5б впущенным захоронением 5а, привело к перемещению остатков «очистительного» костра серовского погребения несколько выше обычного - на глубину 40 см от поверхности земли.

К н а с т о я щ е м у времени по серовским погребениям Приольхонья имеется серия из 21 радиоуглеродной даты (Горюнова, 1997: табл. 9). Обращает на себя внимание значительное количество невалидных дат. К их числу можно отнести удревненную дату по Елге III - 3 и омоложенные даты по Шракшуре II - 2, Халурунскому Мысу - 2 (дерево), Хужир-Нугэ VI - 4 (береста), Сарминскому Мысу -8,11а, 29. Три даты

по Сарминскому Мысу - Ив, 19 и 29 имеет значительный доверительный интервал - 400, 130 и 140 лет, поэтому тоже могут быть исключены из хронологического анализа. Оставшиеся 11 дат располагаются во в р е м е н н о м диапазоне с 4590 ± 90 л.н. (Шаманский Мыс - 1 (1976 г.)) по 4300 ± 100 л.н. (Халуриинский Мыс - 2). С учетом калибровки эти даты соответствуют 3630-3020 гг. до н.э. и 3330-2600 гг. до н.э., что позволяет говорить о существовании серовского погребального ритуала на территории Приольхонья в пределах середины IV тыс. до н.э. - первой половины III тыс. до н.э. Предлагаемая хронология значительно отличается от датировки серовских погребений О.И.Горюновой, которая соотносит их с 4,6-4,3 тыс. л.н. (Горюнова, 1997: 100).

Использованный для хронологических построений метод радиоуглеродного датирования в настоящее время является наиболее приемлемым для построения культурно-хронологических схем. Особенно он актуален для датировки каменного и бронзового века Южной Сибири, когда в археологических комплексах еще отсутствовали изделия, имеющие широкие рамки бытования. И широкий доверительный интервал некоторых дат, и ошибки, возникающие при неправильном отборе образцов для анализа, безусловно, приводят к замешательству в археологической среде. Но это не может являться поводом для полного отрицания радиоуглеродного датирования. К а ж д а я дата, которая не соответствует н а ш и м представлениям о т о м или н о м этапе истории должна быть перепроверена, а результаты переосмыслены. Легче всего констатировать, «что данные абсолютного датирования по захоронениям раннего неолита, а также развитого - позднего бронзового века Прибайкалья не соответствуют действительности» (Горюнова, 2002: 41). Консерватизм и ошибочность сформировавшихся представлений всегда трудно менять, но рано или поздно это придется сделать, и чем раньше это произойдет, тем больше выиграет наука. При этом посылки к т о м у, что для некоторых этапов неолита - бронзового века метод не работает, а для других работает, вообще выглядят не корректно. Если метод не работает, то он не работает вообще и в этом случае и м н е стоит пользоваться. К о г д а ж е соответствующие представлениям исследователя радиоуглеродные даты принимаются, а несоответствующие объявляются невалидными, то н и о к а к о м н а у ч н о м познании не может быть и речи.

Попытки реконструкции древней истории, предпринимаемые археологами, не всегда, а иногда и вообще, не соответствуют действительности. Но это не должно нас останавливать. Появляются новые материалы, методы и технические возможности, которые позволяют корректировать наши представления о прошлом. О д н у из прекраснейших возможностей в этом направлении предоставляет радиоуглеродный метод, и не воспользоваться им было бы не простительно. Господствующие долгие

годы в археологическом мире стадиальный подход к реконструкции истории уже давно показал свою несостоятельность (Weber A., 1994; Weber A., Baziliiskii V.I., 1996). Поэтому придерживаться старых схем, основанных на принципах эволюционизма, бессмысленно. Это относится и к археологической периодизации, основанной на особенностях погребального обряда. В истории очень редки примеры, когда на какой-либо территории происходила полная замена одних погребальных традиций другими. Чаще отмечается процесс параллельного сосуществования разных погребальных обрядов на протяжении длительного периода времени. Это связано с тем, что процесс аккультурации чаще сопровождается эволюцией, а не трансформацией культур. Поэтому к каждому новому факту, полученному в результате радиоуглеродного датирования или сравнительно-типологическим и геостратиграфическим методами, надо относиться с достаточным вниманием и постараться использовать его в культурно-хронологических построениях.

Заключение

Раскопанные в 1998-1999 годах погребения на Шаманском мысу отражают два пласта развития культуры древнего населения Прибайкалья. Более древние погребения, отнесенные к эпохе раннего неолита, а более поздние к эпохе бронзы. До исследований на Шаманке II, наши представления древней истории южного побережья Байкала были достаточно поверхностными. Они базировались на разрозненных материалах стояночных и погребальных комплексов, большинство из которых так и не было опубликовано. С вводом в оборот данных с могильника Шаманка II ситуация существенно изменилась. В настоящее время мы имеем в распоряжении хорошо датированные, археологические комплексы, представленные яркой коллекцией инвентаря и имеющие четкую к у л ь т у р н у ю атрибутику, позволяющую соотнести их с двумя культурно-историческими этапами истории Прибайкалья - китойским и глазковским.

Сопоставляя полученные в результате раскопок материалы с уже имеющимися данными по неолиту - бронзовому веку юга Восточной Сибири, мы предлагаем следующую культурно-хронологическую схему развития южного побережья Байкала, достаточно хорошо сопоставимую с опублик о в а н н ы м и ранее периодизациями (Конопацкий, 1982; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Weber A., 1995; Харинский, Сосновская, 2000; Туркин, 2003).

Китойский этап. Период охватывает VI - середину V тыс. до н.э. Он характеризуется распространением на южном побережье Байкала захоронений «китойского» типа. Под этим термином объединяются захоронения, распространенные на территории Прибайкалья в период с VI тыс. до н.э. по середину V тыс. до н.э. и имеющие некоторые схожие элементы погребального ритуала, например засыпку

умерших охрой. Погребальный ритуал «китойских» захоронений значительно различается в разных частях Прибайкалья (Базалийский, 1998). Эти различия, вероятно, в ближайшее время приведут к выделению отдельных локальных «китойских» культур, которым будут присвоены различные имена. А название «китойский» сохраниться за культурно-историческим этапом раннего неолита Южного Приангарья.

По целому ряду элементов погребального ритуала южнобайкальские захоронения похожи на могилы Южного Приангарья. Над ними отсутствует надмогильная кладка, погребенные расположены вытянуто, на спине, головой на север, северо-восток.

Серовский этап. Период охватывает середину V - середину IV тыс. до н.э. На территории южного побережья Байкала материалы, относящиеся к этому периоду не имеют достаточно четкой идентификации. Поэтому он выделяется по аналогии с соседними районами - Южным Приангарьем и Приольхоньем, и характеризуется распространением серовского типа захоронений.

Шумилихинский этап. Период датируется серединой IV - серединой III тыс. до н.э. По материалам южного побережья Байкала этот период представлен слабо, поэтому выделен на основании данных из соседних районов. В это время в Южном Приангарье, Приольхонье и на Верхней Лене распространяется шумилихинский погребальный ритуал. Появляются первые изделия из меди, а на заключительных стадиях этапа фиксируются изделия, изготовленные в двусторонних литейных формах.

Глазковский этап. Период охватывает середину III - середину II тыс. до н.э. Он характеризуется распространением на южном побережье Байкала захоронений южнобайкальского типа. Погребенные располагались вытянуто, на спине, головой на север. Умершего помещали в берестяной чехол или накрывали берестяным полотном. Могила забутовывалась камнями, а сверху перекрывалась плоской овальной кладкой. В это же самое время в Приольхонье преобладающим погребальным ритуалом становится саган-нугэйский, а в Южном Приангарье - глазковский. Завершение этапа связано с распространением на побережье озера Байкал и в Приангарье захоронений бутухейского типа.

Бутухейский этап. Хронологические рамки этапа ограничиваются диапазоном XIV - V II вв. до н.э. Его отличает продолжение традиций бронзового века. В начале этапа местное население придерживается бутухейской погребальной традиции. Позднее, в XII в. до н.э., на территорию Приольхонья проникают скотоводы, оставившие после себя плиточные могилы тырганского типа. Вероятно, в это время сосуществование двух традиций было раздельным, не оказывавшем значительного взаимовлияния, по крайней мере, по археологическим данным этого не наблюдается.

Предложенная культурно-хронологическая схема носит предварительный характер и, безусловно, требует дальнейших уточнений и доработки. Целью

ее составления было желание упорядочить данные по древней истории Южного Прибайкалья и попытаться проследить культурно-исторические процессы, протекавшие в регионе в неолите - бронзовом веке.

Литература

Алтухов В.В. Макрушинский могильник. Комплекс ранней бронзы // На стыке поколений: Мат-лы XI региональной археолого-этнографической конференции учащихся. - Иркутск, 2001. - С. 3-15.

Базалийский В.И. Могильник Локомотив. История исследований, современное состояние исследования. Предложения по охранным мероприятиям и музеефикации. - Иркутск, 1990. - Архив Иркутского ЦСН, №15/ни.

Базалийский В.И. К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1998. - Т.2. - С. 10-18.

Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Могильник Тальский на Южном Байкале // Каменный век Южного Приангарья. - Иркутск, 2001. - Т.1: Иркутский геоархеологический район. - С. 39-55, 73-82.

Батыль А.В.Э., Базалийский В.И. Могильник Шаманка II на южном побережье озера Байкал // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Мат-лы XLIV РА ЭСК. - Кемерово, 2004. - С. 66-69.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М. Новый ранне-неолитический могильник в устье р.Белой (юг Байкальской Сибири) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. - Т.1: Археология. Этнология. - Улан-Удэ, 2000. - С. 44-50.

Белоненко В.В., Меньшагин Е.В. Могильник Силинский на Верхней Лене // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск, 2000. - Вып. 2, ч. 2. - С. 51-65.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - Л., 1986. - 178 с.

Витковский Н.И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО. - Иркутск, 1881

Волков В.В. Погребение в Норовлийн-уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1975. - С. 76-79.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 23-48.

Горюнова О.И. Бронзовый век на территории Прибайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб., 1992. - С. 50-53.

Горюнова О. И. Современное состояние вопроса о позднем бронзовом веке Предбайкалья // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. науч. Конф. - Владивосток, 1993. - С. 81-85.

Горюнова О.И. Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1996. - С.82-96.

- Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья. - Новосибирск, 1997. - 112 с.
- Горюнова О.И.** Древние могильники Прибайкалья (неолит - бронзовый век). - Иркутск, 2002. - 84 с.
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Исследования могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V Год. итог, сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск, 1997. - Т. III. - С. 184-187.
- Горюнова О.И., Вебер А.В., Ливерсе А.Р., Новиков А.Г.** Исследования совместной российско-канадской экспедиции на могильнике Хужир-Нугэ XIV (оз.Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VI Год. итог, сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск, 1998. - Т. IV. - С. 230-234.
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Продолжение многолетних раскопок могильника Хужир-Нугэ XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. юбил. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск, 2000. - Т. VI. - С. 273-276.
- Горюнова О.И., Воробьева Г. А.** Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск, 1986. - С. 40-54.
- Горюнова О.И., Воробьева Г.А.** Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. - Барнаул, 1993. - С. 94-117.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г.** Комплекс железного века многослойного поселения Катунь-1 // Гуманитарные науки в Сибири: Археология и этнография. -1997. - № 3. - С. 27-35.
- Горюнова О.И., Павлова Л.А.** Металлические изделия из погребений могильника бронзового века Курма XI (оз.Байкал) // Социогенез Северной Азии / Материалы региональной научно-практической конференции. 12-15 ноября 2003 г. - Иркутск, 2003. -С. 53-56.
- Горюнова О.И., Смотров В.И.** Погребальные комплексы могильника Шумилиха: Анализ материалов и датировка памятника // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. - Иркутск, 1981. - С. 17-28.
- Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П.** Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. - Иркутск, 1992. - С. 41-56.
- Дорж Д.** Неолит Восточной Монголии. - Улан-Батор, 1971. -171 с.
- Ермолова Н.М., Марков Ю.Н.** Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. - Л.: Наука, 1983. - С. 95-98.
- Иваньев Л.Н.** Фауна позвоночных животных из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. - Иркутск, 1981. - С. 29-32.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и средневековье. - Иркутск, 1979. - 96 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.** Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). - Барнаул, 2003. - 333 с.
- Комарова М.Н., Шер Я.А.** Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. - Иркутск, 1992. - С. 32-41.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала. - Новосибирск, 1982. - 175 с.
- Луньков А.В., Задонин О.В., Дзюбас С.А.** Троицкое захоронение развитой бронзы // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. - Иркутск, 1996. - 4.2. - С. 49-52.
- Лыхин Ю.П.** Археологическое обследование трассы автодороги Тья-Байкальское летом 1983 года. // Известия Лаборатории древних технологий. -Иркутск, 2003. - Вып. 1. - С. 134-155.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. - Л., 1978. - 190 с.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья в эпоху голоцена // СА. - 1989. - № 1. - С. 19-32.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985. - 200 с.
- Николаев Р.В.** Раскопки древних могил в горах Оглахты // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983. - С. 86-94.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. -М., 1989. - 383 с.
- Новиков А.Г.** Погребальные обряды могильников урочища Улярба // Молодая археология и этнология Сибири: Тез. докл. XXXIX регион, арх.-этнол. конф. - Чита, 1999. - 4.1. - С. 139-141.
- Овчинников М.П.** Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г.Иркутска // Изв. / ВСОРГО.-1904.- Т. 35, № 3
- Окладников А.П.** Отчет об археологических исследованиях в долине р.Селенти летом 1948 г. -Архив ИА РАН. - Р.1, № 243. - 70 л.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.; Л., 1950. - 4.1-2: Ист.-археол. исслед. - 412 с. - (МИА - № 18).
- Окладников А.П.** Отчет об археологических исследованиях в 1950 г в Бурят-Монголии и в Читинской области. - Архив ИА РАН. - Р.1, № 543. -112 л.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.; Л., 1955. - Ч.3: Глазковское время. - 373 с. - (МИА - № 43).
- Окладников А.П.** Верхоленский могильник - памятник древней культуры народов Сибири. - Новосибирск, 1978. - 288 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары: (от Шукино до Бурети). - Новосибирск, 1974. - 318с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары: (от устья р.Белой до Усть-Уды). - Новосибирск, 1975. - 318 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары: (от Серово до Братска). -Новосибирск, 1976. - 328 с.

Окладников А.П., Конопацкий А.К. Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре (по материалам раскопок 1977 г.) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1984. -С. 18-35.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в Монголии в 1968 г. // Изв. / СО АН СССР.-1969.- Вып. 2, № 6. - С. 108-114.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. - Новосибирск, 1995.-4.2.-С. 207-232.

Подольский М.Л. Раннетагарский могильник Усть-Коксу в Хакасии // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983. - С. 95-104.

Савельев Н.А., Михнюк Г. И. , Леженко И.Л., Горюнова О. И <, Петрова Н.А., Панковская Г.И. Могильник в местности Шумилиха: (Описание исследованных погребений) // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. - Иркутск, 1981. - С 7-17.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983. - С. 34-71.

Свинин В.В. Энеолитические находки на Шаманском мысу (Южный Байкал) // Учен. зап. / ВСОГО - 1971. - Вып. 4, ч. 1: Вопросы истории Сибири. - С. 45-55.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. - Новосибирск, 1981. -151 с.

Сергеева Н.Ф. К химической характеристике металла из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. - Иркутск, 1981.-С. 28-29.

Спаский И.Г. Раскопки древних поселений на юго-восточном побережье Байкала // Древности Байкала. - Иркутск, 1992. - С.91-96.

Тиваненко А.В. Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Краеведение Бурятии. -Улан-Удэ, 1979.-С. 181-188.

Туркин Г.В. Отчет о спасательных раскопках могильника Шаманка II в 1999г. - Иркутск, 2000.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в конце II - I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Иркутск., 2003. - 24 с.

Туркин Г.В. Современные представления о погребально-поминальной обрядности населения Предбайкалья (эпоха поздней бронзы - раннего

железа) // Социогенез Северной Азии / Материалы региональной научно-практической конференции. 12-15 ноября 2003 г. - Иркутск, 2003а. - С. 131-137.

Тютрин А.А. Базалийский В.И. Могильник в устье р.Иды в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. - Иркутск, 1996. - Ч. II. - С. 42-44.

Фролов А.В., Хамзин А.А. Новые погребения бронзового времени в устье Белой // Пятая конференция молодых ученых вузов Иркутской области. - Иркутск, 1987. - С. 85.

Харинский А.В. Отчет о спасательных археологических раскопках могильника Шаманка II в 1998г. - Иркутск, 1999.

Харинский А.В. Работы на побережье озера Байкал // Археологические открытия 1998 года. - М., 2000. - С.346-347.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. - сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. - Иркутск, 2001. -198 с.

Харинский А.В. Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Матер. международ. конф. «Из века в век». - Новосибирск, 2003.-С. 291-295.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск, 2000. - Вып. 2, ч. 2. - С. 66-100.

Шмыгун П.Е., Сергеева Н.Ф., Лыхин Ю.П. Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. -Новосибирск, 1981. - С. 46-50.

Черемсин С.А., Горюнова О.И. К вопросу о переходном периоде к раннему железному веку на побережье озера Байкал (по материалам многослойного поселения Катунь I) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск, 1991. - Т.2. - С. 46-47.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). - М., 1989. - 320 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. - М.: Наука, 1972. - 248 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (Проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III - начале II тыс. до н.э.) / Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск, 2002. - № 3 (11).-С. 107-123.

Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (II - первая половина I тыс. до н.э.): Автореф. дисс.... доктора ист. наук. -Новосибирск, 2003.-48 с.

Weber A. Social evolution among Neolithic and early Bronze Age foragers in the Lake Baikal region: new light on old models. Arctic Anthropology. Vol.31, No 2,1994: 1-15.

Weber A. The Neolithic and Bronze Age of the Lake Baikal Region: A Review of Recent Research. *Journal of World Prehistory*. Vol.9, No 1, 1995: 99-165.

Weber A., Bazaliiskii V. L. Mortuary Practices and Social Relations among the Neolithic Foragers of the Angara and Lake Baikal region: Retrospection and Prospection. *Proceedings of the 26th Annual Conference of the Archaeological Association of the University of Calgary*. 1996.

Summary

The article is devoted to consideration of Neolithic and Bronze Age mortuary complexes investigated on burial ground Shamanka II, which is situated on the southern coast on the lake Baikal. As a result it was detached into two cultural-chronological groups of burials.

The earliest group is dated to the Early Neolithic and compared with mortuary complexes of Kitoi culture. There are following characteristics for Kitoi burials: inhumation in supin position, upper part of skeletons are oriented to north-east, the bottom of grave is coloured with ochre. Grave goods represented by stone and bone items. There are bone needle-like point, bone spear-head. It is the first time when 3 bow's braskets were revealed in Early Neolithic complex. Up till now the most ancient bow's braskets had been found in Neolithic Serovo burials in the coast of Baikal. Consequently, braskets from grave 4 are the earliest evidences of appearance of compound tool of such type now. In absolute amount burials date back to early 6000-5000 BP.

The group of burials dated to Bronze Age has also some characteristics such as it was recorded in mortuary ritual birch-barh's windness round of a dead and setting of bonfire on a funeral pile. Individuals are oriented to north, grave pit is filled with stones up to level of buried dispositions. Grave goods include different items made of metal, stone and bone. Among them we can detail belt buckle and bone spoon-shaped tool. Another peculiarity of Bronze Age burial ground Shamanka II is all buried individuals were violent killed. This fact is shown by stone and bone arrow heads found as in separate bones of skeleton as among human remains not arranged. Burials are dated to middle XXIII - beginning XIX BC as a result of radiocarbon determinations.

Burials, excavated in 1998-1999 in Shamanskii Mys, determine two layers culture development of ancient population of Cis-Baikal. More ancient burials are dated back to Early Neolithic and the latest to Bronze Age. Before investigations of Shamanka II our ideas about history of Southern coast of lake Baikal had been superficial. They had been based on uncoordinated materials of site and burial complexes, most of which was not published. Situation changed with input of data from ancient cemetery Shamanka II. At that moment we can deal with well-dated archaeological complexes that are represented by outstanding collections of stock and precise cultural index allowing to correlate them with two cultural-historical periods of Pribai'kal'e history - Kitoi and Glazkovo periods.

To compare materials received in excavations that we had about Neolithic - Bronze Age of South of Eastern Siberia, we offer following cultural-chronological plan of Southern coast of Baikal development, which concerns with division into periods published earlier. (Konopatsky, 1982; Mamonova, Sulerzhitsky, 1989; Weber A, 1995; Kharinsky, Sosnovskaya 2000; Turkin, 2003)

Kitoi period. The period covers 8000 - 6500 BP. It is characterized by spreading of burials of "kitoi" type in Southern coast of Baikal. This notion unites burials spreading on the territory of Cis-Baikal in period from 6000 to 4500 BP and having the same elements of funeral ritual as covering of the dead with orcher, for example. Burial ritual of "kitoi" graves is quite different in areas of Cis-Baikal (Bazaliiskii, 1998). These differences obviously will allocate separated local "kitoi" cultures, which will be named. The name "Kitoisky" will be conserved for definition of the cultural-historical period Early Neolithic of Southern Priangaf. In many features of burial ritual Southern Baikal burials are like graves of Southern Priangaf. There is no grave brickwork, burials are situated stretching on the back, head is oriented to North, North-East.

Serovsky period. The period is between 6500 - 5500 BP. Materials of that period have not accurate identification on the territory of Southern coast of Baikal. That's why this period is correlated by analogy with neighbourhood regions - Southern Priangar'e and Priol'khon'e and characterized by spreading of burials of Serovsky type.

Shumilihinsky period. The period is dated back to 5500 - 4500 BP. Based on materials of Southern coast of Baikal this period is represented badly, so it is picked out on the base of data from neighbourhood regions. At that moment in Southern Priangar'e, Priol'khon'e and in Verhnay Lena it is spreading Shumilihinsky funeral ritual. First copper items are appeared.

Glazkovsky period. The period covers 4500 - 3500 BP. It is characterized by spreading of burials of southern baikal type on the Southern coast of Baikal. Burials are situated stretching on the back, head is oriented to North. Dead men used to be put to birch-barh case or covered with birch-barh sheet. Grave was filled with stones and closed with flat oval brickwork. At the same time in Priol'khon'e predominative burial ritual is sagan-nugo'sky, in Southern Priangar'e - glazkovsky. Completion of that period is connected with spreading of burials of butuhe'sky type in the coast of Baikal and Priangar'e.

Butuhe'sky period. Chronological frames of that period are limited by range of 3400 - 2700 BP. The period continues traditions of Bronze Age. At the beginning of the period local people had butuhe'sky funeral tradition. Later, in 3200-3100 BP, nomads penetrated to the territory of Priol'khon'e, that left the Cist graves of turgansky type. Probably, at that time coexistence of two traditions was separated and has not influenced each other, finally, we can't notice it on archaeological evidence.